

Комбат Найтов

Альт-летчик-2

АЛТ-ИСТОРИЯ

Комбат Найтов

АЛЬТ-ЛЕТЧИК 2

Серия «Военная боевая фантастика»

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70045072

Аннотация

«Аль-летчик» был и остается ответом на книгу «Летчик», автора не помню, из «булкохрустов». Что хотелось показать: неизбежность того, что произошло в России на стыке XIX-XX веков. Мы, пока еще, переживаем некий ренессанс ушедших в небытие правящих классов той эпохи. Но осталось совсем недолго. «Их партнеры» засидеться и зажитья нам шансов не дадут. Я не в курсе опубликовали или нет мою аннотацию к этой книге, вот она:

«Альтернативная история, военная фантастика, времена I-й Мировой войны, неизбежность краха неограниченной монархии в России, история создания первых авиационных частей военноморского флота России и, на их основе, армейской авиации. Книга охватывает 1911-й – 1918 года прошлого века.

В связи с предстоящим выходом «новой истории Гражданской войны в России», пришлось уделить время этому периоду жизни страны. А то читаешь уже написанную в Интернете чушь, и умиляешься: «Какие чудесные и кристально-чистые господа

отстаивали интересы кадетов и эсеров в той войне!». Чувствуется по всему, что идет активное переписывание истории на новый лад, под Дерипаску и Со. Ничего не сделаешь, родственные души! Украсть побольше, да успеть на последний самолет. И кругом и всюду виноваты «проклятые большевики»! Вот уж каты были! А реки крови, пролитые в той войне, лежат на совести этих самых «душек». Они их пролили, пытаясь вернуться в Россию. Вернулись, спустя 74 года, и вновь страна понесла самые тяжелые потери. Промышленности нет, армия чуть теплится, массированный вывоз капитала из страны и постоянные ссылки на то, что друзья и партнеры у них за границей, не внутри страны. А сюда массово завозится дешевая рабочая сила: «таджики» и «узбеки», которые все, что построила у них Советская власть уже разрушили, приехали к нам продолжать начатое. Тем более, что им потекают, и «наши партнеры», и «дерипаски».

И, спустя 105 лет, вновь замелькал на путях и стрелках «блиндированный вагон», ничего более свежего придумать «их партнеры» не смогли, пользуются методичками из старых запасов, повторяются ошибки Первой Мировой войны, а уж криво посмотреть в сторону «ихних партнеров», так не приведи боже. А мы – платим за всё. Не «они», они гребут под себя. Платим мы. А где-то там, в далекой Америке, стоит в минутной готовности «Minuteman-2», который может перечеркнуть все написанное человечеством.

Содержание

Глава 1. В бой после Победы	5
Глава 2. Над бескрайними просторами	28
Глава 3. Однодневная война и ее последствия	47
Глава 4. Трудные переговоры	63
Глава 5. «Трудовые будни – праздники для нас»	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Комбат Найтов

Альт-летчик 2

Глава 1. В бой после Победы

Как всегда! Расслабиться мне не дали. Кстати, надо бы решить вопрос с отпуском, хоть и Новый год на носу. Да еще приходится на два фронта молотить, перебрасывая освобожденные части корпуса на Дальний Восток, а там просто беда с аэродромами. В Москве – тоже беспокойно. Любая мало-мальски удачная операция рождает кучу публикаций в газетах и, извините, шапкозакидательский вопрос. Почему люди такие легковверные создания? Чистый Пушкин! «Ах, обмануть меня несложно! Я сам обманываться рад!». Беда в том, что «троцкизм» никуда не делся и не денется. Демагогия и умение сделать умное лицо и нести ахинею – это почти профессия. Здесь этого чуть поменьше, есть проблема создать аудиторию, а в мое время... Поставил на стол камеру, припудрил носик, чтоб не отсвечивал, и неси пургу в интернет с умным видом. Один Паша Фельгенгауэр чего стоил! Здесь тоже «фельгенгауэры» приободрились, опять требуют «третий Рим», проливы, и даже освободить Париж. А на Дальнем Востоке назревает задница! Точнее, чирей на ней. У китаез «течет», по-черному! Мои усилия наладить поставки

необходимого от Китая не остались незамеченными. Антанта дала отмашку, и японский флот начал концентрироваться в Японском море. Менжинский и его команда докладывают, что туда подтягивается и англо-французская эскадра, засуетились и американцы.

– Разрешите, Владимир Ильич!

– О господи, что Вы, Степан Дмитриевич, со своими армейскими церемониями. Ну, что, уговорили всех ввязаться в эту авантюру! Я же вас предупреждал, что враги революции этим делом воспользуются! Вот, послушайте, что пишет «Геральд трибун».

– Церемонии у меня флотские, а мои уже сели в Омске. Завтра будут в Магдагаче. На месте две эскадрильи погранвойск. Ничего страшного пока не происходит. Но мы готовимся.

– Япония официально отказалась признавать наше правительство.

– Ничего плохого я в этом не вижу, только повод отменить некоторые договоры. В Иркутске сейчас находится генерал-майор Сергей Ульянин и 120 летчиков, которые перегоняют заказанные Сунь Ятсеном самолеты в Кантон. Если Вы помните, то Ульянин отказался принимать участие в делах и боях корпуса, сославшись на то, что он по своим стрелять не будет. А Гоминдан просил у нас толкового авиационного специалиста. Отряд у него сборный, там есть наши люди, и те, которые придерживаются взглядов Улья-

нина, их меньше, где-то человек 37 или 38. Но топлива в Иркутске достаточно. Ульянов и неустойчивая часть летного состава продолжают перегон самолетов в провинцию Кантон. Остальных я задействую на другом участке. В отличие от немецкой и австрийской армии, японская армия никогда не сталкивалась с нашей тактикой. Так, кое-что слышала от атамана Семенова. Зенитных средств особо не имеет. Я получил телеграмму из Якутска о том, что запас в 60 тонн авиабензина, три цистерны, у них имеется. Насколько я понимаю, нам, прежде всего, требуется обезопасить Северный Сахалин. Там все для этого есть. Через Якутск, с посадкой, но без ночевки, наши лодки смогут перелететь к заливу Пильтун. Нефть там есть, мобильные ректификационные колонки имеются в каждой эскадрилье. Подготовят посадочную полосу, тогда я смогу перебросить туда красноармейцев. В случае обострения ситуации, корпус сможет быстро захватить Южный Сахалин, и создать невыносимые условия для японского флота. Задействую 50 летающих лодок, шесть транспортных машин, 18 пикировщиков и 24 истребителя. Остальные, действуя от Магдагачи, поддержат гарнизоны Благовещенска и Хабаровска, затем выдвинемся к Владивостоку.

- Не забывайте, что Владивосток практически безоружен.
- Тоже хорошо, мостов на КВЖД более, чем достаточно.
- Опять Вы ввязываетесь в войну!
- Вы же сами говорили, что это – неизбежно. Я – не троц-

кист, Владимир Ильич. Я забираю только свое.

– Вы – шельмец, Степан Дмитриевич, большой шельмец, но так как у Вас, в основном, все готово, то дать отпор наглецам не помешает.

– Я, с вашего разрешения, сегодня же туда отбуду.

Успел забежать домой, а что здесь бежать, если мы все живем в Кремле? После этого заскочил в штаб корпуса и познакомил начштаба с планом операции.

– Степан Дмитриевич, а почему не подписали у Пред-СНК?

– Мог заочевряться, что временной планки нет, что операция не проработана штабом корпуса.

– Вообще-то, я впервые вижу этот план.

– Жаль, Степан Фаддеевич, такие вещи штабу корпуса требуется прорабатывать заранее.

– Вас понял, работы на Западе было много.

– Но мы же начали переброску на восток четыре дня назад.

– Не было указано для чего, я решил, что полетят в Иркутск и Магдагачу.

– Зайдите к товарищу Менжинскому, напомните ему, что кроме меня, справки требуется подготавливать и для вас.

– Неудобно стало работать, товарищ Гирс. Александр Степанович, командир корпуса, меня в круг задач вводит несколько по-другому.

- Я учту это обстоятельство. А что если вам самому взять на себя управление?
- Как-то не совсем удобно, ведь на западе никаких проколов не было, Воротников справился отлично.
- Ладно, решим по ходу дела. Ваша задача жестко распланировать поставки топлива и боеприпасов. Цели будут смешанные, в том числе, тяжелые морские. Разрешаю задействовать транспортники из моего резерва и держите на контроле их выпуск и готовность в Гатчине.
- Есть!
- Разведроту 1-го десантного батальона поднимайте по тревоге, и на Ходынку.
- Есть. Надолго это?
- Трудно сказать, восточный берег Сахалина в это время года совсем не подарок в плане погоды. Дай бог, чтобы было холодно.
- Вы сейчас куда?
- В Иркутск.
- Счастливого пути!
- Лишь бы погода была.
- Тогда удачи!
- К черту!

Открытый «Ролс Ройс», подарок бывшего командующего, быстренько добежал до Ходынского поля. Кроме аэродрома, господы «булкохрусты», здесь еще ничего нет, только иппо-

дром и отдельные дома возле конюшен, два авиазавода построены на тамошних пустырях позднее, в годы первой пятилетки. Ходынка за городом, академия воздушных инженеров имени Жуковского путевой дворец Петра I на Тверском тракте еще не использует. Кстати, не забыть бы и написать об этом докладную. Три ГТ-4м, с расчехленными моторами, готовят к вылету, сдувая и счищая с них изморозь, обливают их крылья антифризом. Захожу на СКП, выслушал доклад дежурного по аэродрому и принял бумагу с прогнозом по маршруту. Экипажи уже здесь, кроме бортмехаников, которым тут делать нечего.

– Что с бортом «018»? Какова его готовность?

– Из Гатчины докладывают, что все четыре борта будут готовы к вылету в течение получаса.

– Передайте на «018»: бомбы не подвешивать, остальное вооружение взять полностью. Так, товарищи, до Иркутска идем с десантниками, озаботьтесь горячим питанием для бойцов, их – 82 человека. Распределить поровну.

Буквально за 15 минут до вылета к СКП подъехали Брусилов, Фрунзе, Бонч-Бруевич, Лебедев и Сталин.

– Здравия желаем, товарищ адмирал, Генеральному штабу поручено курировать Вашу операцию, товарищи Лебедев, Фрунзе и Сталин летят с Вами для организации работы оперативного отдела в Иркутске и во Владивостоке. По всей видимости возникнет необходимость взаимодействия с товарищами Егоровым, Зверевым, командующим ВССА, и Луц-

ким.

– Есть, товарищ главнокомандующий.

«Сами» начальник ГенШтаба и нарком обороны вылетают в эту Тмутаракань, так что, значение операции все отлично поняли. Мне выговорили за то, что не поставил их в известность.

– Начал неудачно разговор с товарищем Лениным, а слушать, что пишут в «Геральд Трибюн» не слишком хотелось. Пришлось выложить домашние заготовки, то что успел за четверо суток.

– Ничего-ничего, мы тоже кое-какие шаги в этом направлении предпринимали. Но, у нас махина менее поворотливая. Запрос товарища Борейко на подвижной состав нами удовлетворен.

– Прекрасно, Алексей Алексеевич. У нас все готово, разрешите идти?

– Ступайте, ни пуха, ни пера!

– К черту! И тьфу-тьфу-тьфу.

Я махнул рукой экипажам, пальцем показал подвезти еще три парашюта, чем занялись мой водитель и помощник дежурного по полетам. Командование прошло на посадку, затем дали команду десантникам подняться на борт. Обойдя самолет и убедившись в его готовности, и я поднялся к себе в кабину. Пристегнулся, левая рука привычно достала «молитву». Пятеро членов экипажа, вместе со мной подготовили ее к запуску.

– Прошу добро на запуск двигателей. – сказал я, выжав левую кнопку СПУ на штурвале.

– «001», Вам «добро».

Воздушный пуск, да еще и от наземной магистрали, так что раскрутились быстро. «Правак» доложил, что магистраль отключена, а я запросил добро на занятие «рулежки». Получив ответ, махнул руками и убедился в том, что колодки в руках у механиков. Кивнул борттехнику, и четыре двигателя начали увеличивать обороты. Я чуть прибавил шаг, наконец закрипел снег под носовой стойкой, и самолет покати́лся по прошлогодней пожухлой траве, укатанной еще до морозов. Заняли старт. Здесь широко, так что взлетать можно строем. Двигатели на взлетном, «добро» руководителя полетов, и я отпускаю оба рычага на штурвале. Нос самолета чуть приподнялся, и полоса двинулась на меня. Слился снег в сплошную белую полосу, просветов между ним не стало. Чуть поправляя машину педалями, удерживаю направление до самого доклада бортмеханика, что «взлетная». Чуть приподнял нос и почти сразу прекратились удары и толчки по задним стойкам.

– Отрыв! – послышалось в наушниках.

– Шасси! – через тридцать секунд они загорелись красным светом, щелкнули замки, я сдвинул рукоять закрылков, уменьшая их угол. Машина чуть просела, но скорость начала увеличиваться быстрее. Промелькнуло Октябрьское поле (там еще даже полигона военной автоинспекции нет, не го-

вора уж об институте Курчатова), Москва-река, заснеженное Строгинское озеро. Опустевшие деревеньки Баньки, Павшино, Чернево, Знаменское-Губайлово, в которых сейчас практически людей нет: красильни в Баньках не дымят, они едва на ладан дышат, хотя народ на малой высоте я увидел, грузят какие-то телеги. Высота двести пятьдесят метров, у леска чуть креню машину и пошел на правый разворот с набором высоты. Справа стационарный поселок Химский, дачное местечко старой Москвы. Пересекли железную дорогу на Петроград, но мне требуется дорога на Казань. Так что, ложусь на курс 76 градусов по магнитному компасу, 87° истинного курса, и через 34 минуты я, по идее, должен увидеть купола Владимирских церквей. Смотрю на репитер полукомпас, у него пока поправка плавает, но уже не существенно, хотя он маневров в начале работы не слишком любит. Ничего, мне еще минут 10 набирать высоту, плюс неизвестен снос, так что сейчас работы и у меня, и у штурмана, достаточно. В XXI веке этих проблем нет: ГЛОНАСС и GPS точно определяют твое место, снос, и выполняют за тебя эти работы. Введи координаты точки прибытия, компьютер тебе пересчитает ДБК, заберись на высоту 8–12 километров, включи автопилот, и можешь пить кофе, хлопать по заднице бортпроводницу. Успеешь и более серьезные вещи сделать. Здесь же нет даже работающих радиостанций. Они, как класс, отсутствуют. Чуть удалимся от Москвы и от Питера, тогда можно будет включить полурадиокомпас, и ориентироваться по нему.

Плюс, иду я не один, справа и слева от меня идут ведомые. Наконец, набрали 2700, выше триста метров лежит нижняя граница облачности. В одиночном полете я бы ее пробил и шел бы на 5000, но где заканчивается она – неизвестно, таких измерений пока никто не делает. Предупреждаю ведомых и включаю автопилот. Через 10 минут – купола, сноса нет, ветер в спинку поддувает, скорость на 25 километров больше, чем по прибору.

Переговорить с Лебедевым, Фрунзе и Сталиным я перед вылетом не успел, поэтому вышел в первый салон. Мой самолет – штабной, в нем не 14 рядов кресел, а всего 8, шесть из которых во втором салоне, там помещается 24 человека, в носовом четыре пассажира, но при желании или необходимости можно принять до 50 десантников с вооружением или 60 пассажиров. В данном случае, сзади расположились 24 красноармейца, а впереди сидят только три человека. Здесь есть возможность разложить карты или накрыть два стола. Столы – этикие «трансформеры», как и кресла. В несколько минут штабной салон может изменить свою конфигурацию. Но в данном случае такой необходимости не было. Сталин и Фрунзе сидели спиной по направлению полета, а Лебедев с удовольствием посматривал в иллюминатор.

– Что за город мы пролетели?

– Владимир.

– И с какой скоростью мы летим?

– Путевая сейчас 400 километров в час. Но нам еще ле-

теть и лететь, еще одиннадцать часов, если не больше. У них сядем под утро.

– Все равно очень быстро! Туда же семь суток поездом добираться, если не больше. Я впервые пользуюсь аэропланом. – сказал начштаба, на что сидевший напротив него Сталин сказал:

– А я уже летал на таком, вместе с ним и летал, он меня из ссылки выводил из Ачинска. Тот немножко другой был, по-моему.

– Нет, самолет тот же, в Швейцарии делали. Его просто приспособили под новые задачи, теперь это летающий штаб корпуса. Радиостанции на нем хорошие, немецкие, теперь стоят.

– Это – ценно, буду иметь в виду. – заметил начштаба. Было заметно, что Сталин откровенно недоверчиво поглядывал на ухоженную форму бывшего генерал-майора, его холеную бородку, ровные ногти, хорошо заточенные карандаши, подготовленные карты, короче, на штабную натуру старого служаки. Нарком Фрунзе участия в разговоре не принял. Скорее всего, не слишком хорошо себя чувствовал. Встал и подошел к бойлеру, рядом с которым находился закрепленный заварочный чайник. Что-то положил во взятый стакан и залил его кипятком. Размешал и потом довольно долго пил ничем не окрашенную воду. Я-то вышел сюда именно попить кофе, но на мое предложение никто не откликнулся. Еще хотелось узнать о составе сил и средств, которы-

ми обладает Восточно-Сибирская Советская армия, которой и предстояло брать Владивосток. Почему брать? Формально там Советская власть была, но с некоторыми оговорками, весьма специфическими. За прошедший год не было никаких известий о том, что там происходит. Все ссылались на то, что отсутствует прямая связь, так как неизвестные банды регулярно нарушали работу телеграфа на участках Амурской ветки КВЖД, да и в Китае налеты на станции были регулярными. Допив свой кофе, я вернулся обратно в кресло и отпустил Константина, второго пилота, немного отдохнуть. В его кресло сел Сталин и попытался перекричать двигатели. Я показал ему на шлемофон и ларингофоны. Затем на кнопку СПУ.

– Нажмите и говорите. Закончили – отпустите.

– Понял. По последним докладам с КВЖД, Пекинская военная клика готовит захват южной ветки. Пройдет это одновременно с вводом войск Японии в Приморье, на Сахалин и Амурскую область. Готовилась операция давно, да дела у англичан и французов пошли не слишком хорошо. Отвлекались на переговоры в Швейцарии и Бресте, французском Бресте. Твое предложение перебросить авиацию на Сахалин полностью меняет ситуацию в регионе. Но меня беспокоит то обстоятельство, что там хронически нет связи. Ты же там был недавно. Там есть на кого положиться?

– Там «земское правительство» и в нем примерно треть большевиков, или чуть меньше. Велика опасность правого

переворота, который может произойти в любой момент. Я был там «как частное лицо» и вице-адмирал. Судя по всему, там придется заново устанавливать власть, а экономических рычагов у нас маловато.

– Ильич завтра об этом объявит, вводится золотой и серебряный рубль, и новые банкноты, которые можно обменять на золото. Готовилось это в тайне, завтра об этом объявят официально. Так что, это уже не секрет. Значит, положиться там не на кого?

– Я с такими там не знаком.

– Жаль. А что за человек Лазо?

– Не знаком с ним. Слышал, что был такой, Советскую власть поддерживал. Вроде левый эсер, был. Перешел к нам. Но это не удивительно, он, вроде, не из крестьян. Но во Владивостоке его нет, это точно. Да, и еще, настроения у казаков здесь иные, чем на Дону. Тут важно не промахнуться, Коба.

– Он сейчас западнее, в Аксеновских лесах, собирает партизанскую армию. Мне туда попасть нужно.

– Покажи на карте. На. – Сталин показал.

– Вот здесь вот наш аэродром, откуда все и начнем. Он – восточнее тех мест, в Амурской волости, а ты показываешь Читинскую. В Магдагаче тоже партизаны, ими командует какой-то Виноградов.

– Это он и есть. Партийная кличка.

– В таком случае, доставим, без проблем. Вон, посмотри вперед, только Волгу перелетели, все села кончились, ни од-

ного огонька внизу. Сейчас южнее начнем спускаться.

– А там что светится?

– Казань. Двести километров и ни одного человека. Кер-
жаком называется.

– В Туруханском крае, если взять в сторону от Енисея, то там больше тысячи верст можно пройти и никого не встретить. Но здесь тоже места гиблые. Лебедев у меня что-то отторжение вызывает, лощеный такой.

– Коба, он – военный, Генерального штаба генерал-майор. С точки зрения штабной культуры – никаких претензий. Все кратко и по делу. Брусилов сам его вместо себя поставил.

– Вот эта чехарда мне и не нравится: то один, то другой, а все: генералы да полковники.

– А я – вице-адмирал, и что?

– А недавно подполковником от Адмиралтейства был. Да нет, ты-то – свой.

– Так ведь все равно ругаешься, и все тебе во мне дисциплинированности не хватает.

– Потому как действуешь не посоветовавшись. Один ум – хорошо, а два лучше!

– Отучили меня советоваться предвоенные и военные годы.

– Власть-то сменилась, а ты все старыми понятиями оперируешь.

– Вот прилетим и посмотрим, кто из нас был более прав: кто действовал или тот, кто совещания хотел устроить. А со-

вещаться придется, да и не исключен визит в Японию. Что с Фрунзе, чего он такой смурной?

– Язва замучила.

– Питаться надо вовремя, часто и понемногу, впрочем, это со здоровым желудком советовать хорошо.

Вошел Константин, наклонился ко мне, я сдвинул наушники.

– Степан Дмитриевич, там мы с Михаилом и Сашкой два стола накрыли, сходите поужинайте.

– Десантников накормили?

– Конечно. Я – поел, я – до Омска.

– Если фронтов не будет, то да. Коба, уступи место Константину. – последнюю фразу я сказал по СПУ. – Пойдем, поужинаем. На Казань оттуда полюбуешься.

– Как скажешь, хозяин! – с грузинским акцентом ответил Сталин. Фрунзе спал, я его укрыл одеялом, будить не стал, переставил сервировку на соседний столик и отбросил откидное сиденье. Сел в проходе.

– Сон – лучшее лекарство. – снял крышку с кастрюльки и положил себе картофельное пюре и залил его гуляшом.

– Хорошо живете! – улыбнулись оба спутника.

– Подсобное хозяйство выручает, и даже в коопторг кое-что переправляем.

– Ваши-то ели? – спросил Лебедев.

– Ели, вся кухня у них, назад тоже передали горячее.

– А чего так на сухую? – спросил Сталин и, покопавшись в вещмешке, достал оттуда приличного размера бюрдюк, в котором оказалось красное чуть сладковатое вино из Кахетии. Лебедев поставил на столик фляжку. А у меня с собой ничего не оказалось.

– Вы угощаете нас, мы – Вас, так что не стесняйтесь. Шустовский, рекомендую!

– Спасибо, Павел Павлович. Пригублю, но предпочту что-то более легкое.

Через некоторое время, так сказать на десерт, я задал вопрос Лебедеву:

– Подскажите: кто такой Зверев, и чего от него ожидать можно? И вообще, что за Восточносибирская Советская армия? Насколько я видел, у вас только три каких-то ее соединения на картах нанесены. Артиллерия у нее есть?

– Трудно сказать, когда командовал восточным направлением, то эта фамилия встречалась весьма часто. Там их двое действовало: Бурлов и он. Активные товарищи, Бурлов участвовал в боях против атамана Гамова и выбил его в Китай. Зверев успешно действовал на Илеме. Заявляют, что у них три дивизии, три пульроты и одна батарея 9 орудий. Трехдюймовки.

– Ладно. Замнем для ясности.

– Вот странно, вроде степь, даже поля под снегом видны, а ни одного огня. Какая-то снежная пустыня.

– Это степи заволжские.

– О, вон что-то в лесу дымит, труба какая-то. А что за речка внизу.

– Кама, наверное, по времени она должна быть. Справа надо посмотреть, там заводик стекольный дымить должен. Водочные и бутылки под шампанское раньше выпускал.

– Да, есть. Какая-то труба дымит. – ответил Лебедев, и отхлебнул коньячку. Им хорошо! А мне, после небольшого отдыха, еще самолет вести и сажать.

– Степан Дмитриевич! А не получится так, как 1905-м? – задал вопрос Пал Палыч.

– Это ощущение называется «японский синдром». Чтобы понять все точно, требуется вернуться к последним годам правления предыдущего императора. Наши враги называли его «финляндским пьяницей», нынешние «западopклонники» требуют снять его памятник у Московского вокзала.

– Да, пишут такое в ЦК. – подтвердил Иосиф Виссарионович.

– На самом деле: умнейший и самый способный русский император.

– Не считая Петра. – вставил Сталин.

– О Петре мы как-нибудь потом поговорим, но соглашусь, что именно тогда Россия вышла на первое место в мире по выплавке чугуна, но его род пресекся, власть в стране захватили датчане, старые наши противники, с которыми, кстати, воевал Петр. За балами и скупкой европейских шедевров последующие царицы и цари первое место в мире профука-

ли и прокутили. Мы вот, восхищаемся переходом Суворова через Альпы! А для чего его туда послали? В чем смысл? Помочь добить Габсбургов? Или противодействовать французской революции? Кто мне сможет толково объяснить за что рязанский мужик задницу морозил, проходя зимой Сен-Готард? Ты, Коба, сегодня видел совершенно пустой участок 200х250 километров, в часе лета от Москвы?! И сейчас летим над участками не меньшего размера, где признаков жизни просто нет. Так тропинки и проселки иногда встречаются. В Москве и Питере электричество, а здесь один заводик себя немного освещает. Остальных с воздуха даже и не видно. При лучинах сидят, даже керосин далеко не везде.

– Что ты мне рассказываешь? Ты по делу говори, Конрад.

– А почему: «Конрад»? – удивленно переспросил у Сталина Лебедев.

– Я его знаю с девятого года, но лично встретились в 11-м. Поэтому я для него – «Коба», а он для меня – «Конрад». Он – старый большевик.

– Чего не ожидал, того не ожидал! В любимчиках императора, же, ходили!

– Нет, любимчиком я не был, разве что в конце 11-го года, когда два повышения за три месяца получил. Далее меня Алекс резко отдалила. Затем, вроде сменила «гнев на милость», но кто же ей поверит? Очень взбалмошная женщина! Но вернемся к Александру и его отцу. Он получил трон в тяжелейших условиях: Николай I проиграл Крымскую войну, а

его сын ускорил и провел неудачную земельную реформу, в результате был убит. Протяженные размеры имеют свои особенности, а транспортные возможности России были страшно ограничены. Когда скорости передвижения войск были одинаковы – ни одна пушка в Европе не могла выстрелить без позволения русского императора. Но Николай I боролся с попыткой первой русской революции, с декабристами, хотя какие они революционеры? Потом с попытками революций в Европе, и «забыл» провести экономическую революцию в России. В результате получил Крымскую войну, фактически, она была «первой» Мировой, так как охватила оба полушария. Помимо Черноморского флота мы потеряли Аляску, Калифорнию и Гавайи. Именно в это время на мировую арену выполз новый хищник: Северо-Американские Соединенные Штаты.

– Тракторы у тебя, Конрад! Ты, что не читал об этом у Ильича?

– Читал, конечно. Исторически – все верно, но геополитически... Я готов поспорить! Крымская война не окончена. Она может завершиться только тогда, когда англосаксонский мир будет разрушен. Или славянский. Это две разные ветки цивилизации. Но вернемся к Александрам! Не перебивайте меня!

– Не будем! Мели, Емеля, твоя неделя! – сказал Сталин и плеснул себе из бюрдюка кахетинского. – Будешь?

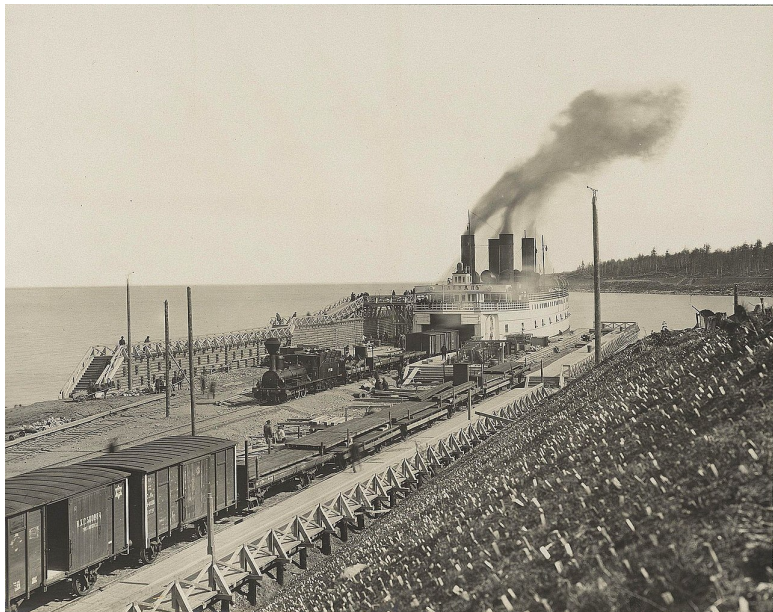
– Чтобы горла смочить? Чуть-чуть плесни. Александр II

прекрасно понял причины поражения и пошел на сближение с Францией, республикой, в то время. Подписал с ней договор об Антанте, первоначально это был договор об ограничении политических амбиций Англии и попытка смягчения Парижского трактата. И нашел выход: индустриализация страны и быстрое продвижение наших интересов на юг и восток. Купил винтовки Бердана, закупленную вместе с патентом и самим изобретателем в Россию, скорострельные пушки 3 дюйма, и реализовал попытки захватить Туркестан и Хиву. При нем купили лицензию на паровые двигатели тройного расширения, были перестроены Петербургские верфи, несколько изменилось законодательство в плане расширения частной инициативы. Александр II круто отодвинул одряхлевшую империю Цин к берегам Амура, и основал Владивосток. Но, был убит на набережной Екатерининского канала. Сын вначале продолжил дело отца: был построен первый в России цементный завод, благодаря которому была дополнительно укреплена оборона Петербурга, к началу века у России был второй-третий в мире паровой флот. Александр III создал на Кольском побережье незамерзающий порт Александровск-на-Мурмане и Николаев-на-Мурмане. Дал команду начать изыскания Транссиба, так как уже тогда было понятно, что рано или поздно мы столкнемся с интересами Англии, Японии и САСШ на Востоке, Александр III пошел дальше и построил Порт-Артур, взял кредиты у Франции и французских инженеров, и быстро проло-

жил Трансиб. Все шло как нельзя лучше, но, экономические реформы были свернуты, так как ближайшее окружение царя дуло ему в уши, что виной гибели отца был именно либерализм.

– Ну, это общеизвестные факты! По делу-то что?

– Трансиб построили, но, к тому времени изменился состав Антанты, Франция проиграла войну объединенной Германии, и настояла на том, чтобы в состав союза была включена Англия. Напоминаю, что продвижение России на юг и восток было антибританским делом. В результате, под давлением Англии, Трансиб оказался разорванным на три части. Первоначально существовало три проекта Кругбайкальской магистрали: по реке Иркут, по реке Ольха, притоку Иркуты, и вдоль реки Ангара до порта Байкал. Англичане предложили, ссылаясь на сложности прокладки пути, спроектировать и построить для России паровые паромы-ледоколы. Быстренько состряпали проект и передали его России. Паром изготавливался в Ньюкастле, а собирали его в селе Лиственничном на Байкале, на правом берегу Ангара. Назывался «Байкал», его мощность была 3750 лошадиных сил:

Для сравнения, ледокол «Ермак», конструкции адмирала Макарова, имел 12 000 лошадиных сил. Ледокол и ледокольный паром строились на одном и том же заводе фирмы «Armstrong Whitworth». Это были первые в мире ледоколы. Задачей первого был Северный морской путь до Енисея, задачей второго – обеспечение круглогодичной навигации на Байкале. В результате, за два года была проложена железная дорога до Байкала вдоль Ангары, на укладку путей ушло всего 5 месяцев. В январе на Байкале начался ледостав, а в середине января 1902 года ледокол не смог преодолеть лед.

Второй заказанный «ледокол» был пассажирским паромом, имевшим мощность всего 1250 л.с. и скоростной винт. Англичане прекрасно знали, что снабжение Порт-Артура зимой невозможно! Строительство магистрали вдоль северо-западного побережья затянулось из-за многочисленных тоннелей и намеренно затягивалось. Её строительство было завершено лишь в 1906 году, вежливо говоря, после проигрыша нами войны с Японией.

– Зато состоялась первая русская революция, предвестник Октябрьской. – заметил Сталин.

– Состоялась, как и был приказ: патронов не жалеть! Коба, ты прекрасно понимаешь, что это не была «наша революция», это была бойня, так как народ не был вооружен. А «всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться». Помнишь, кто это написал? – тот кивнул. – Вот я и озабочился тем, чтобы защитить нашу революцию, в том числе, и от посягательств иностранцев. Пока они «накапливаются» в Японском море, мы успеем занять лучшие позиции и немного проредим их ряды. Не удалось это сделать с германским флотом – сотворим это с японским. А нам требуется незамерзающий порт на Дальнем Востоке. Требуется вернуть Курилы, Сахалин и Порт-Артур, с КВЖД. Нечего русскими землями разбрасываться, как это сделал Николай. Придется вновь вступать в бой, после Победы.

Глава 2. Над бескрайними просторами

– Ты хочешь сказать, что проигрыш в войне с Японией был предопределен не из-за того, что самодержавие прогнило, а потому, что «англичанка» вмешалась.

– Коба, это абсолютно взаимосвязано! И то, и другое, но, фактически, из-за того, что времени, разрешить проблему с транспортировкой грузов и войск на восток страны, Россия не имела.

– Здесь я абсолютно согласен с мнением товарища Гирса. Генштаб предпринимал все возможное и невозможное для того, чтобы завершить проект, начатый еще при Николае Первом. Все «научные» и «географические» экспедиции были организованы не «Географическим обществом», а Генеральным штабом, и возглавлялись они офицерами Генштаба и выпускниками его Академии. Мы до хрипоты доказывали, что оптимально было строительство дороги на Дальний Восток не до станции Байкал, а вдоль русел рек Иркут или Олха, и вокруг Байкала. Но, увы, к голосу разума никто не прислушался, и последующие действия правительства привели нас к войне, вначале с Японией, а затем с Германией. Сейчас положение совершенно иное: Германия признала СССР и установила с нами дипотношения, а Япония продол-

жает действовать на стороне Англии. Франция – колеблется, но два броненосца отправила в сторону Владивостока. Так что, хотим мы этого или не хотим, а воевать на Дальнем Востоке придется. А на войне требуется ставить максимальные задачи. Здесь я тоже подчеркиваю сходство моих мыслей с мнением Степана Дмитриевича: денонсация Портсмутского договора и возвращение всех потерянных территорий. Этим мы докажем, в том числе и колеблющимся, что к власти в стране пришли настоящие ее хозяева. Я не за себя, я за весь народ говорю. Поражения нанесли максимальный урон царизму, что вылилось в дворцовый переворот февраля 17-го, но тогда к власти пришли совершенные ничтожества, которые палец о палец не ударили, чтобы вернуть пять отколовшихся провинций. Перед тем, как вступить в РККА, я имел беседу с товарищем Ульяновым-Лениным, который и сказал мне практически те же слова, что сегодня я услышал от адмирала Гирса. Я не могу сказать за всех, но большинство думающих офицеров армии, проявивших себя в боях, участников Японской войны, будут на нашей стороне. А задача партии, и вас, в том числе, донести до остальных, что мы делаем правое дело и исправляем ошибки, сделанные самодержавной властью в период с 1861 по 1917 год.

– А вот таким Вы мне нравитесь! – послышался голос Фрунзе, его, все-таки, разбудили.

– Как спалось? Ужинать будете? – спросил я его, и, не дожидаясь ответа, отнес на кухню и поставил подогреться ка-

стрялючки с гуляшом и пюре. Но их пришлось передать в руки штурмана, который жестом показал мне, что меня зовут на место.

– Облачность начала снижаться, впереди фронт.

– Поставь разогреться, Михаил, и попроси Сашу проследить и покормить наркома. Станислав, связь с Омском есть?

– Да, они на связи, у них сильный снегопад.

– Понял. Нолики – ноль первому!

– На приеме! Ноль седьмой.

– Я – пятый.

– Вам двести вниз, строй левый пеленг, увеличить дистанцию. Я попробую пробить облачность. Омск-Центральный – борту ноль-ноль-один.

– На приеме.

– Маячок включите, пожалуйста, у нас тут фронтик появился.

– Ноль-ноль-первый, я вас понял. Сейчас включат. Десять минут ждать.

– Вас понял.

Ждать я его не стал, он мне нужен лишь постольку поскольку. Взял +5 градусов тангажа, включил дворник, и пошел наверх. Облачность оказалась не слишком толстой, на высоте 4200 оказался выше облаков. Выровнялся, и сообщил об этом ведомым. Те, по очереди, вошли в облачность и через десять минут ноль седьмой пристроился справа от

меня. Привод Омска работал, Михаил показал пассажирам: как пользоваться масками, на всякий случай. Фактически, высота позволяла обходиться без них. Да и запасов кислорода на борту не слишком много. Машина не приспособлена летать на больших высотах. Если облачность поднимется, то нам придется спускаться под нее. Спать мне пришлось прямо в кресле. Путевая чуть упала, но спустя 6 часов 24 минуты со времени старта, мы были над Омском, который зафиксировал наш пролет над ним. Еще через полтора часа, у Новосибирска стало слышно радиостанцию «Правда» в Иркутске, и, хотя полетный лист предписывал мне идти на Красноярск, но там тоже снег, центр циклона находился неподалеку от Новосибирска, а в Иркутске была приличная видимость и погода. Получил разрешение на изменение курса и пошел прямо на Иркутск. Через два с половиной часа и Красноярск передал об улучшении погоды, и у нас облачность кончилась, и мы пошли вниз на высоту три километра. Часик подремал и меня разбудило встающее светило. Под нами плоскогорье с отдельными скалами. Снижаемся. Неожиданно раздается голос Сергея Ульянина:

- Ноль первый, Бадай-Степному
- Слушаю.
- А ты, собственно говоря, куда?
- Мне дали Боково.
- С ума там, что ли, сошли? Там 500 на 600 шагов. Я от тебя слева! Даю ракеты!

Внизу еще темно, о том, что аэродром, где расположился Ульянов, не в городе, я не знал. Еще снизились, встали на коробочку, огляделись. Полоса укатана, и я пошел вниз. Вышли закрылки, предкрылок и шасси. На скорости 140 мягко коснулся полосы, желательно было бы поплотнее прикатать, тормозить не стал. Возникли некоторые проблемы, пришлось взять посадку в свои руки.

– Ноль пятый, ноль-первому. На мою колею не садись. Мягко. Касайся там, где я снег сдул.

– Понял.

– Не тормозить и держи нос. Ноль седьмой, слышал?

– Принял.

Так мы и закончили этот перелет. Шасси у всех выдержало, но затем пришлось всем заниматься укаткой, поливом и посыпкой полосы. Хорошо, что машины были уже легкие, относительно. Пришлось переставлять машины на лыжи и прекратить беспосадочные перелеты. Не готовы мы еще к такому!

Через два с половиной часа сели машины из Гатчины: три транспортника и прототип бомбардировщика. У него пока сплошные проблемы: попытка реализовать турбонаддув, пока, кроме поломок, ничего не дала. Его перемоторили, две недели назад установили двигатели без нагнетателя. Он практически не отличается от транспортных машин, за исключением оборонительного вооружения и довольно боль-

ших бомболоюков. В Гатчине пытаются довести нагнетатель, так как турбины очень быстро прогорают, а никеля и ванадия в стране пока просто нет. Пытался поставить сплав на основе вольфрама, он получился хрупким. Даже мельчайшие пылинки начинали его разрушать. Там работы не впрокорот, а мне приходится заниматься корпусом и Японией, но вероятность того, что Дальний Восток просто оторвут – очень велика! Я, конечно, знаю, что наши справятся, но это будет стоить таких жертв и финансовых потерь, что очень не хотелось, чтобы этот процесс даже начался.

Объяснив задачи, как прилетевшим летчикам, так и находившимся здесь, сразу почувствовал, что Лебедев был прав, говоря о том, что нас поддержат те, кто еще вчера колебался. Только семь человек из 39, на которых я не рассчитывал, согласились перегонять самолеты в Китай. Сергей Алексеевич, узнав, какие задачи поставлены перед корпусом, еще пока я выступал перед летчиками за трибуной, сидя за столом в президиуме написал рапорт с просьбой принять его в корпус и в ВВС РККА. Я прочел его, подписал и подвинул его сидевшему рядом Фрунзе.

– Товарищ Лебедев как в воду глядел.

– Что за человек?

– Один из первых летчиков России. Имеет диплом с номером два. Бывший командир первого отряда ВВС флота, мой командир в Гатчинской школе летчиков, бывший начальник Качинского училища, заместитель командира 1-го

корпуса ВВС флота, командовал им после моего отлета в Швейцарию. Вместе со мной перелетел в Петроград командиром борта № 2, когда мы вывозили из Швейцарии Владимира Ильича и других членов ЦК партии. По прилету был избит «революционными матросами», так как имел звание генерал-майора авиации флота и погоны не снимал. Уехал в Александровск-на-Мурмане. Отказался от моего предложения продолжить службу в составе корпуса, после его формирования в составе РККФ, но и против нас не воевал. Принципиально отказывался принимать участие в Гражданской войне. С японцами готов драться. Один из сильнейших в мире летчиков-истребителей. Считаю, что командовать действиями ВВС на Западном, Забайкальском направлении должен он. Меньше дров наломаем. Я, непосредственно, возьму на себя общее руководство и действия на северо-восточном направлении. Учитывая огромные расстояния, считаю разделение командования ВВС целесообразным.

– Вы ему доверяете?

– Мы с ним создавали воздушный флот России, и летел он сюда создавать воздушный флот СССР. Столкновение с реалиями революции не позволило ему быстро адаптироваться к ситуации. Сейчас у нас уже армия, а не восставшие солдаты и матросы, к тому же, развращенные лозунгами февраля и болезнью левизны в коммунизме. Да и задача сложнейшая. Но она ему по силам.

Фрунзе почесал бороду, исподлобья посмотрел на сидя-

щего через одного человека генерала. Тот так и не снял еще царские погоны.

– Вам переодеться придется, это Вы понимаете, господин генерал-майор.

– Понимаю, товарищ Фрунзе, товарищ нарком. Буду соответствовать и подчиняться уставу корпуса.

– Ну, если командующий авиацией так считает... – он взял, протянутую мной, ручку, снял колпачок с пера, чуть покачал головой, увидев золотое перо, и подписал рапорт. Поднялся, Сергей Алексеевич тоже встал. Пришлось и нам с Лебедевым подняться и отодвинуть свои стулья. Михаил Васильевич протянул рапорт, вставшему по стойке «смирно», генералу. Тот бросил правую руку к козырьку и левой забрал свой рапорт.

– Служите честно. Поздравляю.

– Служу трудовому народу. Спасибо, товарищ нарком. Не подведу. – летчики не выдержали и заплодировали. Пришлось постучать по графину с водой. После этого начальник Генерального штаба встал, подошел к доске и развернул ее. На четырех картах висела диспозиция на участках будущего фронта.

– Зарисовывать – запрещаю. Это чисто для вашего ознакомления с ситуацией. Всякое может произойти: отказы, поломки, обстрелы с земли. Это примерное расположение наших войск и сил. А это – неконтролируемые или слабо контролируемые территории, на которых может появиться враг

в любую минуту. Обращаю ваше внимание на территорию Маньчжурии. Согласно международным договорам, эта территория передана Российской империи в аренду на 80 лет. Договора никто не отменял, но, в прошлом, 1918 году, который вчера кончился, на эту территорию вошли части китайской армии, точнее, части войск Пекинской военной клики. Не без участия войск императорской Японии. Пекинская клика опирается на нее. Есть вероятность того, что скоро туда войдет и японская армия. Пока этого еще не произошло, тем не менее, имейте это в виду. Воевать одновременно с Китаем и Японией нам не по силам. Населен этот край очень слабо, плотность населения менее одного человека на квадратный километр. В случае полетов в восточном направлении необходимо присматривать за сопредельной стороной. О появлении там любых вооруженных отрядов немедленно докладывать командованию. При обнаружении таких отрядов на нашей территории – они подлежат уничтожению. Повторяю: война с пекинской кликой не входит в наши приоритеты. Наш противник сейчас – милитаристская Япония, банды атамана Семенова, генерала Унгерна и хунхузы. По мере развития ситуации эти задачи будут меняться, но общую концепцию, товарищи летчики, я вам изложил.

Далее Павел Павлович познакомил всех с ситуацией в «особых» районах: там, где наших сил, якобы, не было. Речь шла о значительных участках территории, которые контролировали многочисленные партизанские отряды.

– Это на случай того, если вы окажетесь в этих районах. Там вам смогут оказать помощь. У меня все, товарищ Фрунзе.

– Тогда я добавлю несколько слов. Операция будет проводиться в несколько этапов, первый из которых предстоит выполнить вам. Требуется создать сеть аэродромов и складов с топливом и боеприпасами до начала наступления японской армии и флота. Невыполнение этого этапа ведет к отказу от всей операции. Без авиационной поддержки выполнить ее задачи невозможно в указанные сроки. Начало нашего наступления из района Магдагачи зависит от времени создания ледового аэродрома на Сахалине, завоза туда боеприпасов и запасных частей. В противном случае, мы рискуем потерять Сахалин. Временная сдача городов и станций на Амурской ветке КВЖД возможна и не смертельна для хода операции. А вот северный Сахалин нам терять категорически нельзя. Причина: месторождение нефти. Поэтому этот участок должен быть создан в течение одного-двух дней, и укреплен. Товарищ Гирс, вы меня поняли?

– Так точно, товарищ нарком.

– Действуйте!

Я зачитал номера бортов, которые пойдут первыми, это были 12 машин «летающих лодок» «Ша», включая звено «спасателей», на которых будут переброшены два взвода десантников.

– Через восемь часов отдыха, шесть транспортных машин

будут переброшены в Омск за второй ротой десанта. Их задача: ускорить переброску сюда 1-го десантного полка. Готовьтесь, товарищи, по готовности к вылету доложить на СКП. Я буду находиться там и руководить вылетами.

Остававшийся в Москве начальник штаба корпуса капитан I ранга Бореико, за то время, пока мы летели в Иркутск, снял с вылетов 12 машин «ГТ-4м» советско-швейцарской фирмы «SSWISS», и поставил им задачу перебрасывать личный состав десантников в Омск. Поэтому пришлось переиграть наши планы и отказаться на первых порах от перелета через Якутск. Вся тяжесть легла на Магдагачи, куда топливо поставить чуточку проще. Вместо бомб и торпед восемь «Ша-6м» взяли патроны и гранаты для десанта. Лодки проблем с посадкой на снег не имели, они садились на живот, не выпуская шасси. Этим они прикатают будущий аэродром для посадки истребителей прикрытия. Как только расчистят полосу, туда будут доставлены 76-мм пушки Лендера и горные пушки. Сам я в первой волне не вылетал, у меня организационных дел и здесь полно.

Но все пошло не так, как мы запланировали! Во-первых, первая эскадрилья приземлилась раньше: дул сильный встречный ветер с океана, который значительно уменьшил путевую скорость. Я бы искал высоту, где дует не так сильно, но капитан-лейтенант Гальвин сообразил поздно, поэтому эскадрилья израсходовала половину топлива раньше и

села почти в устье Амура на озере Чля, не дойдя до Пильтуна порядка 200 километров. Отправили шесть машин назад, за топливом. Со всех машин слили топливо в две лодки, которых отправили дальше, которые разведали южную часть залива Пильтун. Сели там, осмотрелись. Следов людей не обнаружили и вернулись на озеро. Дело было в том, что нефть в районе реки Оха обнаружили давно, еще в конце прошлого века. Русский флот еще на нефть не перешел, котлы топили углем, а англичане имели в составе своих владений с 1797 года остров Тринидад, где нефть свободно выливается из-под земли. С 1850 года на острове добывалась нефть, которой очень заинтересовались британцы, и постепенно перевели свои корабли с угля на мазут. Именно англичане продали первые корабли с мазутными котлами в Японию. Поселок Оха состоял на две трети из японцев, и там действовал телеграф. Об этом мы узнали еще в Магдагаче, от сахалинца, покинувшего остров в прошлом году. Вполне вероятно, что он немного привирает, но возможности проверить это пока нет. Поэтому я сместил будущий аэродром на 80 километров южнее. Там уже высажен десантный взвод, который приступил готовить полосу и оседлал с несколькими пулеметами дорогу к Охе. Телеграфные столбы, действительно, шли вдоль просеки-дороги, прямой как стрела, так что, сведения сахалинца подтвердились. Пока мы их не трогаем. Десантники вооружены пулеметами Льюиса, поэтому представляют из себя значительную силу по огневому воздействию. Плюс

все имеют боевой опыт и умеют его использовать.

Насчет двух дней Фрунзе оказался прав: отряд казаков под командованием атамана Гамова сосредоточился в городе Сахалин, туда подошел крупный отряд японцев с четырьмя орудиями, начала разведывательные действия авиация противника. Наших сил в городе не было, три отряда самообороны, жиденькая цепь казачьих постов вдоль границы. Да, мы могли пресечь действия японской авиации, которая была вооружена самолетами «Фарман-15», еще довоенными, с двигателем 90 собачьих сил, но нам требовался инцидент. Но произошел он совершенно в другом месте: 18 января ночью телеграфист станции Магдагачи получил сообщение, что поезд с японскими войсками пересекли границу и захватили станцию Пограничная, причем, в течение двух суток подряд телеграф в Пограничном не работал в направлении Харбина, и поезда не ходили. Через час после этого сообщения, тот же телеграфист передал «Молнию», что на ветке Пограничная – Гродеково видны дымы минимум пяти паровозов. Вторжение началось! Из Моисеевской, с разъезда № 86, пришло сообщение, что части восточно-сибирской советской армии атакованы со стороны Китая кавалерией и пехотой. Запросили помощи Благовещенск, Джалинда, Рейново и Албазино. Их по льду Амура атаковали в конном и пешем строю смешанные японо-русско-китайские войска.

Шестнадцать, предшествовавших этому, дней я плотно

занимался переброской войск из Иркутска в район озер Дал-жа и Сладкое. Кроме десантников, пришлось перебрасывать много стрелкового вооружения, так как политуправление развило активную деятельность и поднимало на борьбу всех рабочих приисков, коих на территории Приамурья было великое множество. Базироваться на озере Чля было небезопасно: рядом, в 50 километрах, находился город Николаевск-на-Амуре, а самолет в небе не спрячешь. Первые вылеты на Сахалин показали, что использовать заливы, из-за приливов, достаточно сложно. Местом базирования стало пресноводное озеро Сладкое, тем более, рядом находилось более 20 сел, основными жителями которых были переселенцы, а не каторжане, русские и украинцы, поселившиеся здесь в конце прошлого века, спустившись сюда по Амуру, устье которого находилось в 50 километрах от этих берегов. Южнее русские села были много реже, там находился город Александровск-Сахалинский, угольные копи и каторга. И там была дорога к «главной» реке Сахалина: Тымь (тогда она называлась «Тыми»), вниз по Тыми до самого Ноглыха шла узкоколейка. Население там уже смешанное, есть как русские, так и японцы. Я воспользовался полнолунием и провел ночную разведку восточного побережья на «Ша-6» с шестью посадками, и нашел необозначенное на картах пресноводное озеро подходящих размеров, причем, буквально рядом с ним находился источник нефти и два «колодца». Были там и несколько домов, но зимой они пусто-

вали. И место было всего в 16 километрах от предварительно расчищенной полосы для приемки тяжелых транспортных. Здесь, используя ледовые якоря, я быстро расчистил снег винтами, и 8-го января там приземлились все 50 летающих лодок, мы установили контроль над 9-ю селами и поселками рабочих местных нефтяных колодцев. Но, подчеркиваю, это – территория России, единственное «Но», «правительство» Сахалинской губернии не признавало Советской власти. Это они пригласили сюда «своих партнеров» – японцев, и до 1925 года в «реальной истории» Япония оккупировала эти места. Их очень интересовала «нефть» Сахалина! Это было единственное месторождение на «территории Японии». В 60 километрах от нашего аэродрома находилась станция Лярв, она еще не достроена, но там тоже находилась телеграфная станция. Заполучив в свои руки большие запасы сырой нефти, и перебросив сюда шесть ректификационных колонн, мы решили проблему с топливом, тем более, что все поселки были буквально завалены «тарой», теми самыми «баррелями», металлическими бочками, которые после того, как сойдет лед на Охотском море, уйдут в Японию. Пока японцы здесь всего чуть больше года, но объем выполненных работ просто поражает. Выяснилось, благодаря ополчению, Красной Гвардии, что до 95 % «японцев» японцами не являются. Это – корейцы, сами японцы в эти гиблые места особо не стремятся. Инженеры – англичане и японцы, а работяги завербованы в Китае и Корее. Прямая, как стрела, просека

– это будущая железная дорога-узкоколейка в Оху. Установив всего два поста: на побережье и на просеке, за 10 суток наловили почти полтысячи «агентов», спешивших доложить хозяевам, что здесь произошли некоторые изменения. В общем и целом, не так много, но расслабляться не стоит!

Интересный разговор состоялся с единственным русским инженером Науменко. Он из Одессы, заканчивал Технологический институт в Петербурге, довольно пожилой, большую часть жизни прожил здесь в Александровске.

– Я вас ненавижу, краснопузых!

– За что?

– Вы собираетесь передать управление государством кухаркам! Вы развалите великую Россию!

– Сколько пафоса и вранья! Реально в статье Ленина говорится обратное: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами, и чтобы начато было оно немедленно, то есть к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту». Как

инженер, вы должны понимать разницу между управлять и учиться управлять. Если я посажу вас за штурвал самолета прямо сейчас, то, кроме тупа и обломков, несмотря на ваше образование и капитал, мы ничего не получим. Не так-ли, Пал Степаныч?

– Не знаю, управлять аэропланом не пробовал, доводилось управлять паровозом, ничего, справился.

– Там не требуется следить за направлением, высотой, углом тангажа, креном, определяться на местности, находясь несколько выше ее, наблюдать за полусотней приборов. У вас один рычаг: вперед-назад, и рычаг управления редуктором. А пути куда-нибудь приведут сами, мимо следующей станции не проедете. Требуется только следить за светофорами. Путь за вас проложили рабочие и путейцы.

– Да, думаю, что это несколько проще. Но почему вы считаете, что работяги должны владеть всем? Их дело копать или грузить от рассвета и до заката! Они же не понимают, что они делают! Здесь большая часть рабочих русского не знает.

– Тем не менее, вот просека, она ведет прямо к Охе, и насыпь готова, без всякого знания русского. Может быть вы здесь не нужны, если вас не понимают?

– Как это не нужен? План у меня, я проводил эти изыскания!

– Ну, вот видите! Оказывается, Вы – путеец!

– Да не путеец я, а инженер-нефтяник, мое дело – сами месторождения.

– И что вы сделали для этого? Построили шесть колодцев и двенадцать арыков, по которым нефть сливается в омуты-озера? Да, где-то арыки имеют искусственное русло. Имея теодолит – это сделать не так сложно! Вон, посмотри-те, та самая нефть, часть которой используется для работы насосов, превращается в бензин и керосин, причем бензины имеют детонационную стойкость 70–95.

– А вы кто такой, что понимаете: что это значит?

– Я? Вы мою фамилию знаете?

– Откуда, господин большевик?

– А фамилия: Степан Гирс, вам что-нибудь говорит?

– Ну как же: адмирал, нефтепромышленник, любимчик царя.

– Это – я, меня зовут Степан Гирс, я – вице-адмирал воздушного флота, и это – мои ректификационные колонны. Я их изобрел и построил за свои деньги. Теперь они помогают России выбить японцев с наших месторождений. А ты, инженеришко вонючий, их сюда сам позвал! «Я – краснопузых не люблю»! Твои слова? Твои! Без таких инженеришек рабочие обойдутся, главное, чтобы у них были нужные руководители, которые понимают: что без чего не работает. Мы, большевики, освободили все губернии, которые захватила Германия на западе. Мы не дадим кому бы то ни было распродавать содержимое наших недр. Это – наша нефть, и она не будет греть котлы японских кораблей. Ты это понял? Да, японцы платили тебе неплохие деньги за то, что ты спо-

собствовал тому, чтобы Сахалин и Приморье стали провинцией Японии. Ты – новый Мазепа, а не Науменко. Ты продал собственную Родину!

– Вы – адмирал Гирс? И Вы – большевик?

– Красноармеец, подойдите сюда, пожалуйста!

– Товарищ командующий! Красноармеец младший сержант Волков прибыл по вашему приказанию, товарищ вице-адмирал.

– Вы мою фамилию знаете?

– Так точно, товарищ вице-адмирал Гирс! Вы – командующий воздушным флотом СССР.

– Спасибо, товарищ Волков, займите свой пост. Вы меня поняли, господин инженер?

– Меня расстреляют?

– Да кому ты нужен? В общем, так, эти колонны должны работать круглосуточно. Организуй подвоз тары из береговых сел, используй емкости для хранения сырой нефти. Техническую документацию получишь у старшего смены, лейтенанта Сухарева, он – обучит. Теперь это – твоя обязанность. Деньги получать за это будешь. Но не дай бог, если что-либо с ними произойдет. Идет война, один раз ты уже предал, третьего раза просто не будет, и музыки не будет на твоих похоронах. «Мазеп» у нас на дух не переносят.

Глава 3. Однодневная война и ее последствия

18-го января, получив радиogramму Фрунзе о вводе войск Японии, я быстро поделил 14 тысяч на двадцать пять, вычел вес ненужного топлива, и подвесил 620 25-килограммовых бомб в кассетах по четыре и по одиночке. Полоса позволяла оторваться даже перегруженной машине. Мы оторвались от нее и легли на курс 189° истинного курса. Ночь, Луна в последней четверти, узкий серпик практически не освещал Землю. Там, справа, идет вторжение, начались бои, Серега решает сложнейшую задачу: остановить наступление противника на фронте шириной более 2000 километров, а сил и средств страна смогла выделить не слишком много: шесть бронепоездов, восемь дивизий, 120 орудий и 7 дивизий ополчения, практически не воевавших. Вся надежда на действия корпуса и на четкое взаимодействие авиации и наземных сил. У меня задача несколько иная: по диагонали пересечь Сахалин, пройти между островом Решин и Хоккайдо, пересечь с севера на юг остров Хонсю. Где-то в 1980 километрах от меня лежит искусственный остров Тиёда, или замок Эдо. Остров весь покрыт зеленью, туда еще не вступала нога ни одного европейца. Ну, ноги и в этот раз не будет, но стирки будет много! Везем мы не произведения аккерман-

ских горшечников, а 16 килограммов гексогена, зажатого в шести килограммах сталистого чугуна с четырьмя взрывателями, настроенными так, чтобы осколки имели температуру свыше 1320 градусов. Это больше зажигательные, чем осколочные бомбы. Идем на «центр принятия решений», я – не Путин, я прекрасно знаю: где он находится, и чем, и как, его можно «приласкать»! Через 4 часа и 32 минуты мы будем там.

Набрав высоту в пять километров и поставив машину на автопилот, я прошел в штурманскую рубку. Да, с картами довольно тоскливо! Но план Токио есть. Островок довольно крупный, но нам его рвы и крутые стены как-то совершенно не мешают. Интересно: сакура уже цветет или нет? По-моему, в январе она цветет на Окинаве, а в Токио начинает цвести в марте, но могу ошибаться. В любом случае ею там в этом году будет не любоваться. На фоне обгорелых обломков она будет не видна. А мы будем любоваться сахалинской вишней. Она такая же розовая, только цвести начинает в середине мая.

Мы прошли Сангарский пролив. В отличие от СССР, над которым летишь в полной темноте почти постоянно, остров вполне прилично освещен, и ориентироваться над ним довольно просто! Вон город Аомори, а там светится Цугару. Внизу очень много снега! А княжество Цугару когда-то было айнским. Пролет одиночного самолета не вызвал никакой паники. Они еще даже не подозревают о том, что это

может быть очень опасно. Это как «тренироваться» в здешних горах зимой. А это – далеко не Сибирь. Снега здесь много, но среднегодовая температура +11 градусов. На Сахалине среднегодовая температура отрицательная! Через час впереди появилось огромное яркое пятно света: Токио и его пригороды. Здесь снега нет. Я убавил обороты и начал снижение. Большого Токио еще нет, видны отдельные пятнышки городов с плотной застройкой, но между ними есть темные промежутки, которых с большей высоты видно не было. А вот темных пятен в центре штук шесть. А, вот, есть, вижу!

– Василий, прямо по курсу темный овал с редкими огоньками. От нас четвертый темный участок. Ближний к реке, но не к морю.

– Вижу, командир, отчетливо наблюдаю.

– Бери на себя!

– Есть, два влево... стоп!

Коротко моргнула красная лампочка, даю полградуса вправо, загорелись обе.

– На боевом! Цель вижу. Справа от пролива, второй дом.

– Оно, ясно вижу. На боевом!

– Сброс!

– Накрытие! – закричал кормовой стрелок.

– Ухожу на второй заход! Цель – большой дом сразу за пожаром, резиденция правительства.

И ни одного выстрела! Хотя рядом море, несколько крепостей. Они просто не понимают: что происходит! Время –

четыре утра, нас еще даже и не обнаружили! На втором заходе сброс был двумя сериями по два пакета, четыреста килограммов. Досталось старой крепости и дому правительства. На третьем заходе с юга завершили разравнивание большого острова, снесли дворец-храм Будокан. Сильнейший пожар, горит парк, на четвертом заходе работали по токийскому вокзалу, а затем «капельками», по одной бомбе, ударили по местам с наиболее плотной застройкой вокруг императорского дворца. Насколько я помню, эти места оккупировали японские монополии. Но флот в этом вылете мы не трогали! Он сам к нам придет! Израсходовав боезапас, легли на обратный курс и через три двадцать были дома.

На пути назад имели радиосвязь с Фрунзе. Я доложил, что нанесен удар по дворцовым сооружениям, дому правительства и вокзалу в Токио, наблюдали сильные пожары в городе.

— В Москву отправлю радиограмму, в Берлине уже вызвали японского посла из-за нарушений границы и обстрелов нашей территории. Можем пообещать постоянные удары по японской территории?

— Вполне, топлива и боеприпасов достаточно.

— Отлично, товарищ Гирс. Но не расслабляйтесь! Что с Александровском?

— Точно сказать не могу, я их еще не слышу, к утру должны его взять.

Александровск взяли, высаживаясь с воздуха прямо на лед Большой Александровки. К сожалению, не без стрельбы, так как здесь находилась караульная рота, которая находилась в боевой готовности. Им уже было известно, что на севере появились «красные». Видимо не всех их агентов удалось задержать, но силенок у «временных» было немного, и один единственный «максим». Нет, чтобы просто сдать! Смешно стало чуть позже, когда обнаружили, что японцы выдвинули против нас целый батальон. Зато на санях. Так как границу они пересекли, то мы, не стесняясь, высадили десант у Рудаки (Воскресенская), и через час были уже в Южно-Сахалинске. Весь город помещался тогда между улицей Бумажная и проспектом Победы. Два километра в длину и 1,6 в ширину. Соппротивление оказали только в одном месте: в конце улицы Чехова находились казармы того самого батальона, который сейчас мерзнет, блокированный на дороге между Онором и Палево. Я выше уже писал, что японцы прорубили просеку для железной дороги и использовали ее для перемещений.

По телеграфу мне доложили, что бой во Владимировке, как Южно-Сахалинск был обозначен у меня на карте, закончен, захвачен директор агентства Карафуту Акира Масая, которого самолетом отправляют ко мне. Очень он мне нужен!

– Так, мне нужен переводчик с японского! Найдите этого пройдоху Науменко! Он по-японски, вроде, говорит.

С этим вопросом мы несколько промахнулись! А все спешка, очень боялись не успеть с этим вопросом, вот и не захватили с собой людей, знающих языки противника. Но таковые нашлись и помимо Науменко. Плюс, японец неплохо владел и русским, и английским.

– Господин вице-адмирал! Выражаю вам свое недовольство действиями ваших сил против Великой Японии! Согласно Портсмутского договора южная часть острова принадлежит великому Тенно!

– А он еще жив? Его дворец сегодня ночью мы подвергли бомбардировке. – худенький усатый японец в парадном мундире сильно побледнел.

– Нам ничего не известно об этом!

– Так и про нас вы тоже еще утром не знали. Тем не менее, мы взяли обратно нашу Владимировку. Корсаков тоже сдался. Ваш батальон замерзает на болоте между Палево и Онором, к вечеру их можно будет штабелями складывать.

– Наш великий флот сотрет вас в порошок!

– Вы нарушили границу первыми, оккупировали Харбин, пересекли границу у Владивостока, обстреляли города Благовещенск, 86-й разъезд, Джалинду, Рейново и Албазино.

– Великий Тенно выполняет решение стран Антанты и вводит войска для охраны наших подданных, так как государства Россия более не существует. Есть какой-то не признанный ни кем «Союз».

– Во-первых, его уже признала республика Германия, во-

вторых, по моим данным, ваше вторжение на территорию Советского Союза успешным не стало. Корпус ВВС СССР, командующим которого являюсь я, нанес ракетно-бомбовые удары по всем местам вторжения, и противник остановлен или уничтожен. Мы нанесли удары по вашей столице. Япония будет разгромлена, а ее флот будет утоплен. Вот наши требования: мы прекратим бомбардировки в случае признания недействительным Портсмутского договора между Российской империей и Императорской Японией, Япония должна вернуть нам города Харбин, Порт-Артур, территорию КВЖД и Маньчжурии, все это взято нами в аренду у императорского Китая. Остров Сахалин, Малая и Большая Курильская гряды, Камчатка и Чукотка – неотъемлемые земли Советского Союза. Охотское море – внутреннее море СССР. За сегодняшний день вы потеряли все месторождения нефти. А будете кочевряжиться – потеряете и Хоккайдо. Ваша страна совершенно не представляет возможности нашей авиации.

Тут вошел старшина Коневский.

– Товарищ вице-адмирал, вам «воздух» из Москвы!

В телеграмме, подписанной Лениным, говорилось о том, что японское правительство предлагает остановить военные действия и сесть за стол переговоров, в связи с гибелью императорской семьи.

– В общем и целом так, господин бывший губернатор, поступила информация, что наш удар по дворцу Эдо до-

стиг своей цели, император и его семья уничтожены, Япония предлагает остановить военные действия и начать мирные переговоры. Так что, придется нам возвращаться во Владивосток, там у вас телеграф есть. И начнем мы с капитуляции всех войск на острове. Читайте!

Ситуация меняется, как в калейдоскопе! Чуть провернул, и совершенно другой узор! Я понимаю, что это – иллюзия, но японцы этому верят. И бог с ними! ПВО у них не оказалось! Они-то думали, что это в Европе нужны зенитные орудия, а здесь... Никто не устоит перед мощнейшим японским флотом и непобедимой армией. Англичане сами это говорили! Но мы же знаем, что англичане даже своим о нас не рассказывали! Вот их союзники и вляпались! «Фарманы» – этот тот максимум, который они имеют. Они их приволокли под Благовещенск, там организовать аэродром было достаточно просто, но налета штурмовиков они не ожидали, так и остались на китайской стороне, под Сахалином, в виде обломков. Ну, а о том, что самолет может преодолеть 1912 километров и вернуться на базу, неся 14 тонн бомб, они даже и не знали. Их проблемы! 50 летающих лодок быстренько потопили несколько эсминцев в Николаеве, а во Владивостоке утоплен единственный, бывший русский, броненосец «Ретвизан», имевший ледокольный нос, который помогал ему ходить в вязком льду заливов Владивостока. А бить войска, сидящие в поездах, очень удобно! Ну, и, на-

циональный характер сказался: японская нация состоит из прагматиков. Столкнувшись с непреодолимой силой, европейскими государствами, проводившими индустриализацию и несколько буржуазных революций, они не стали рисковать, как Китай, который не изменил вялому течению истории, и провели «белую революцию», сверху! Сам император управлял этим процессом, был изменен и создан новый правящий класс. Император остался божеством, но вторым, после денег. Созданы полугосударственные монополии, проведена индустриализация страны, появились университеты, не хуже, чем в Европе и Америке. Уклад жизни не слишком поменялся, но сменилось вооружение, и в Азии появился капиталистический хищник, прикормленный британским львом. Не стало Кореи, которую не успела захватить ни одна европейская страна, утоплены две тихоокеанские эскадры России, а в самой стране разразилась первая революция, на деньги Великобритании и Японии, при активной поддержке этих проблем в Москве со стороны США. Сейчас, мало того, что операцию против России не поддерживает оппозиция, в лице партии Кэнсэйкай, опирающейся на торгово-промышленные круги, так и флот несколько «огорчился» резким перераспределением средств в пользу Квантунской армии. К сожалению, остался жив принц Мити, будущий император «эпохи Сёва», и его младший брат, они проживали в Киото, учились в университете.

Во Владимировке мы оказались только вечером, пришлось садиться дважды: возле японского отряда и на 50-й параллели, на границе. Товарищ Востоков помогал мне с переводом, он слушал то, что говорил бывший губернатор. В принципе, он не слишком сильно отклонялся от темы, но уповал, что они вернутся на «Северные территории». Угу, как жо! Прямо так сразу. Батальон сложил оружие в сани и пешим порядком отправился обратно на станцию Ханда-са. Топать им далековато, а летающие лодки уже перебрасывают туда ополченцев и десантников в Кетон, где обнаружена небольшая посадочная полоса и реквизированы поезда для воинских перевозок. На юге с 1908 года действует железная дорога с Капской колеей. После приземления в Воскресенском, нас, уже на автомобиле, привезли на будущую Коммунистическую улицу, дом 41. У входа за ограждение – парный пост десантников с двумя пулеметами. Здание тоже занято ими. Мы прошли в кабинет губернатора. Да, могли бы и аккуратнее обыскивать. Приказал все собрать и сложить нормально. Неожиданно позвонил телефон. Востоков снял трубку, прикрыл рукой микрофон и сказал:

– Токио, сейчас будет говорить премьер-министр Хара Такаси... – и что-то ответил на японском. Черт возьми! Я его совершенно не понимаю. Вот уж точно не в свои сани не садись!

– Вас! Можете говорить на немецком, французском или английском. – сказал он мне.

– Бонжур, мсье. С кем имею честь?

– Здесь премьер-министр Японии господин Хара Такаси и генро, член Тайного совета, маршал Ямагата.

– Я – вице-адмирал авиации Степан Гирс, народный комиссар Воздушного флота СССР. Хотел бы передать наши требования к правительству Японии.

– Мы вас внимательно слушаем, господин адмирал.

– Мы требуем вашей капитуляции, вывода войск из Маньчжурии, с территории Советского Союза, возвращения отчужденной территории КВЖД, Харбина, Порт-Артура, Больших и Малых гряд Курильских островов, денонсацию Портсмутского договора, расторжения всех договоров со всеми правительствами России и выхода Японии из состава участников организации Антанта. В противном случае мы не остановим бомбежек японских городов. Кстати, японский флот уже потерял, по моим данным, броненосец и четыре эсминца за день. В налете на Токио я не трогал корабли, стоявшие на рейдах города. Но они находятся в пределах досягаемости моей авиации. Прекратить любое движение кораблей в Японском море нам по силам. Кильский канал до сих пор не пропускает корабли, там действовали те же летчики. Что касается переговоров, они могут быть начаты немедленно на территории СССР, либо здесь, на острове Сахалин, либо во Владивостоке, но только после официального признания Японией Советского Союза и своего поражения в этой необъявленной войне.

– Вы требуете слишком многого.

– Назовите мне город, который требуется стереть с лица Земли, любой, на японской территории. Вам разрушения замка Эдо мало? Мои бомбардировщики поднимают 14 тонн бомб, каждый. Пожар на островах Эдо я лично наблюдал пятнадцать часов назад. Кстати, как здоровье императора? Поймите, шутки кончились, господин Премьер. Здесь сидит бывший губернатор провинции господин Акира Масая, который уже совершил два перелета в 360 морских миль из Владимирского под Оху и обратно. Семьсот двадцать морских миль в день с перерывом на допросы. Трубочку передать?

– Передайте, пожалуйста.

Дальше мне переводил Востоков.

– Поприветствовал, говорит, что чувствует себя хорошо, отношение нормальное, грабежей не заметил, город взят, гарнизон Оотамару капитулировал без боя. Очень много железных аэропланов с большим количеством пулеметов. Александровск запросил помощи и границу открыли сами русские, но батальон, усиленный членами «Общества резервистов», был остановлен в пустой местности на замерзшем болоте, с помощью авиации, которая нанесла удары по мостам. Где сохранились японские гарнизоны он не знает, русские действуют очень быстро, возможности отследить их передвижения у него не было. Полковник Оримы, скорее всего погиб.

– Скажи ему, Орими – в плену, ранен. – добавил я. Связь хорошая! Кричать в трубку не приходится. А ведь через два пролива разговариваем. Мне опять протянули трубку.

– Господин адмирал. Нам требуется провести заседание Тайного совета, к нашему огромному горю, великий Тенно и семь членов царствующей фамилии эту ночь не пережили. Жив принц Мити, наследник престола. Нам требуется консультация с ним.

– Вы не назвали город, по которому я могу нанести удар.

– Во имя господа нашего, Иисуса Христа, не делайте этого! – ответил мне другой голос, видимо, это говорил маршал Ямагата.

– У вас времени до восьми утра, господа члены Тайного совета, в восемь я подниму свои самолеты. – и положил трубку. Сейчас они начнут тянуть время! Начнут клянуть у всех зенитные орудия, таких самолетов ни у кого нет, а зенитки имеются, но... в Европе! Пока доставишь, ни одного целого города на островах не останется. Горят они замечательно! Каменных зданий не слишком много. Сплошная Хиросима!

Как и ожидалось, в восемь никто не позвонил, а мы всю ночь готовили маленький подарок последнему принцу страны восходящего Солнца. В 09.00 ему передадут небольшой «сюрприз». Есть на входе в Токийский залив маленький замечательный городишко: Йокосука, подходы к которому прикрывают две крепости, три форта и большое количество

береговых батарей. На рейде обязательно стоит броненосец, а иногда два. За фортом «три» находятся две небольшие бухты, разделенные островом Агатсума. И там, как сельдей в бочке, напихано кораблей. И не простых, а вооруженных. А чуть в стороне в Негоши бэй – больше десятка плавучих доков. Заходить будем от солнца. Я, к сожалению, в этот вылет не пошел, я – на ответственной работе: телефон охраняю. Ребята ушли по другому маршруту, и взяли с собой не 25-килограммовки, а сотки. Станция под звучным названием «Микадо» послужила ориентиром. Бомбардир Василий Степанов не промахнулся, воткнув четыре и три сотки в стоявшие у одного причала новейшие японские недо-дредноуты «Сацума» и «Аки». А после доворота ударили по плавдокам и скоплению кораблей в одной из гаваней Йокогамы. Разворачивались с отворотом влево, обнаружили еще два пирса с семью кораблями у них, вниз пошла большая серия бомб, так как там на берегу были и огромные цистерны с жидким топливом, а рядом – ровные черные валы угля. И все это на глазах жителей крупнейших городов страны. В налете принимало участие три самолета, два из которых «работали» по земле крупнокалиберными бомбами. Каждый нес на внешней подвеске четыре 500-килограммовок и восемь по 250. Вообще-то, это были транспортные машины, но бомбовый прицел у них стоял. Да, несколько хуже у них получилось, но грохоту и шуму было много. Закончив работу, они ушли «домой» строем, проплыв над самим Токио.

А лодки, разбившись на пары и четверки, шныряли везде, и над Охотским, и над Японским морем, топя все, что попадалось на пути. Особое внимание они уделяли топливу и кораблям военно-морского флота. Очень удачно сработали в бухте Оминато, потопив три миноносца. У Ниигаты удачно атаковали и повредили броненосец, довольно старой конструкции, шедший в сторону Владивостока.

Телефон зазвонил в 10 часов. Мне начали объяснять, что я не понял, что они считали, что у них есть еще два часа разницы во времени. У нас действительно два часа разницы, но это не отменяет сказанного.

– Я давно проснулся, размялся, позавтракал, а звонка нет, продолжил операцию, показал всем, что произойдет, и какова реальная мощь вашей армии и флота. Надеюсь понравилось? Будем продолжать или, все-таки, начнем переговоры? Если помните, то начинаете Вы, с признания Советского Союза и его территориальной целостности.

– Да-да, господин народный комиссар, соответствующая нота направлена нами в Берлин.

– Объявите это по радио и передайте в Лондон. После этого можете перезвонить, договоримся о месте проведения.

В 11 часов 20 января Токийская радиостанция, а одновременно с ней ВВС, передали сообщение японского правительства о признании СССР, и о том, что они просто горят желанием вернуть нам, утерянные царским правительством, тер-

ритории, порядок передачи которых будет решен в ближайшее время путем переговоров между Премьер-Министром Японии и уполномоченными лицами со стороны СССР. Совершенно другое дело! По телефону я предложил забрать делегацию из Ниигаты и провести их в мэрии станицы Владимировки, сославшись на то, что здесь есть телефон, а во Владивостоке только телеграф. Дела пойдут чуточку быстрее. И что сегодня сюда прибудет нарком обороны товарищ Фрунзе, он уже вылетел на Сахалин. Договорились, что делегация Японии будет из двух человек, с помощниками, представляющих, как правящую партию Сейюкай, так и военных.

– В переговорах желает принять участие принц Мини.

– Особых возражений нет, но в городе немного неспокойно, здесь достаточно много японских подданных, за поведение которых мы отвечать не можем. Не думаю, что это будет безопасно для принца. Вы же знаете, что у вас значительное число ультранационалистов, которые ни перед чем не остановятся.

– Мы учтем Ваше мнение, господин народный комиссар.

Глава 4. Трудные переговоры

Днем на «царской» 10-тиместной лодке прибыли Сталин, Фрунзе, Чичерин и Молотов, официальные руководители операции и представители НКВД, которые привезли мандаты на ведение переговоров с Японией, но, кроме меня. «Догадываясь», что наша дипломатия всегда грешила тем, что все войны проигрывала в ходе мирных переговоров после окончания войны, я направил во ВЦИК и лично Владимиру Ильичу запрос о своем статусе на переговорах. В телеграмме лично Ленину указал и причину своей настойчивости. Сделал ссылку на несколько неудачных статей в договоре с Атакюрком. Плюс японцы будут просить поставки нефти и самолетов. Да, мы продали Турции устаревшие машины с би-ротативными движками, у которых есть предел по мощности. Хорошие двигатели, но мы от них сами отказались по очень многим причинам. Все это находится в моей компетенции, но меня, почему-то, отстранили от переговоров. Москва молчала почти 12 часов, поздно ночью я получил телеграмму Ленина, подтверждающую мои полномочия. Учитывая то обстоятельство, что Ильича уже довольно скоро не станет, требуется более внимательно смотреть по сторонам и держать руку на пульсе. Я, правда, догадываюсь: чьи это проделки, но внешне он их не демонстрирует. Но утром выяснилось, что это не совсем так: это Фрунзе и Чичерин

решили, что меня уж слишком много, да и риторика у меня жесткая. Сталин и его друг Молотов были на моей стороне.

– Сейчас требуется давить и давить, лавировать, и опять давить! – заметил Молотов, – У Степана Дмитриевича это здорово получается.

– Малейшая слабинка будет использована против нас. – добавил Сталин.

– Вот увидите, они постараются протащить на переговоры англичан. – мрачно заметил Чичерин.

– А пусть попробуют! У нас нет дипломатических отношений с Великобританией. Признание – участие в переговорах, а на нет и суда нет. Сорвут переговоры – ударим по другим болезненным точкам. Еще две машины ГТБ-4м вылетели из Гатчины. Через полтора суток будут на месте.

– Вам бы только воевать!

– Так ведь за 13 лет оккупации платить требуется! Лес, рыбу и уголь они отсюда просто черпали. И золото, в Муйке черт знает, что творится, всю ртутью залили!

– Подтверждения нужны.

– Это сделаем! Так, все, товарищи, Георгий Васильевич, Вы готовы? Вас не укачивает?

– Укачивает.

– Может кого другого вместо вас взять? Неизвестно сколько в море болтаться придется.

– Нет, уж, это моя обязанность.

– Тогда поехали.

Одних на аэродром нас не отпустили, до самого самолета я их не пустил. Эта лодка оборонительных точек не имеет, поэтому вылетели четверкой, с нами еще один «спасатель» и две машины прикрытия. Там на земле решаются другие проблемы: «Гостиницу в порядок привели, где размещать будем? Продукты, да поваров самых опытных, ресторацию проверить. Зал маленький, такие переговоры требуется в Москве проводить!» Ну и тому подобное. А мы прогрели движки и пошли в сторону Ниигаты. Три часа полета, лодка не такая скоростная, как «ГТ-4м». Но мы еще и двухсот километров не пролетели, как радист доложил, что в Ниигате сильный снег и западный ветер. Однако, перед вылетом мы согласовали время и место прибытия. Пошли дальше, но в районе залива Исикары пришлось менять курс и уходить мористее. Гор не видно, они все покрыты облаками. Временами сильные снежные заряды. И облачность понижается. А впереди довольно высокий остров Ошима, и снос идет влево! Взял правее, вроде прошли, но высота уже 500 метров! Легли четко на юг, с учетом сноса. Прошли полуостров Ога, но берегов совсем не видно, без зарядов видимость не более пары километров, но следующий остров Авашимаура увидели и смогли определиться. Осталось менее 50 километров, снижаем высоту и скорость. Требуется оценить волнение. Где-то справа сейчас остров Садо. Волнение приличное! Больно внезапно открылся город.

– Всем вправо на круг, город из виду не упускать!

Я уменьшил скорость до минимума и чуть приподнял машину, чтобы осмотреться. Слава богу небоскребов еще не построили! Две реки с кучей низких мостов.

— Иду влево, вторая река шире, там строений нет. После колена: мост и прямой участок, ветер слева. Пробую замерить дистанцию.

И тут вижу справа озеро или болото, все в снегу. Прошел над ним, но там куча каких-то дамбочек, не сесть! Слева река, там места много, но впереди низкий мост. Высота где-то 40–50 метров, скорость посадочная, чуть выше. Поймал встречный ветерок, совсем некийсый, замолчал на пять минут, и сел в устье реки Агано, сразу после посадки выпустив шасси, чтобы затормозить и выехать на песчаную косу, отделявшую реку от бушующего моря. Доложил в Воскресенское через спасательную лодку, затем посадил двоих из прикрытия, последней села лодка-спасатель, до последнего обеспечивавшая связь с Сахалином. Японская делегация находилась в порту Ниигаты, на борту учебного броненосца «Фудзи». Между нами было метров 600–800, но мне туда было не подойти. На море вполне приличный шторм

Японцы подъехали через тридцать минут к какому-то причалу, чуть в стороне от той косы, на которой расположились мои машины. Я запустил двигатели и сошел обратно в воду. Впереди, у самого моста, находился небольшой причал, где не было возможности поломать крылья или понто-

ны. Я подошел туда, развернулся, и мы подали концы и трап. Первым из машины вышел товарищ Чичерин, если не считать членов экипажа. Вслед за ним – я. Японцы смотрели на наши перемещения, но не двигались. Удивляло присутствие конных, которые сопровождали три машины. Вместо двух человек, их было более двадцати. Тут еще заряд прилетел, совсем видимость исчезла, но мы, втроем, борттехник с белым флагом, я и Востоков вышли на дорогу. Наркома Чичерина я остановил на причале возле лодки.

– Вам еще не время, кто его знает: кто прибыл.

От японцев оторвались шесть человек, впереди шагал по снегу молодой человек, за ним двое военных, один в морской, второй в пехотной форме, один гражданский и два морских офицера сзади.

– Полномочный представитель СССР на мирных переговорах с Японией вице-адмирал авиации Гирс. – представился я.

– Принц Мини, наследный принц Ямато, назначен регентом Японской империи.

– Мы просили Вас не участвовать в переговорах на Сахалине, и было предусмотрено подписание договора во Владивостоке, куда мы сможем переместить Вас без нарушения дипломатических протоколов. В настоящее время Ваше присутствие на Сахалине не желательно. Нам бы хотелось избежать лишних жертв среди ваших подданных и граждан СССР.

– Вы проявляете настойчивость.

– Еще и погода, принц. Нам следует поторопиться, чтобы нормально сесть на острове. Как вы можете видеть, даже в Ниигате нет ни одного аэродрома, способного принять наши самолеты, аэропланы. Пришлось рисковать и садиться в этом месте. На улице – снежный шторм.

– Я могу посмотреть этот самолет, как вы его назвали?

– Сегодня в этом нет необходимости. Но мы его Вам покажем.

– Мы назначили возглавлять переговоры господина Хара Такаси, действующего Премьер-Министра Японии, кроме того, включили в состав маршала Ягамата и адмирала Того, моего учителя. Плюс пятнадцать человек в составе их свиты.

– Четверо могут полететь на этом самолете, остальным будут предоставлены места в следующем. Вы хотите познакомиться с председателем переговорной комиссии народным комиссаром по иностранным делам товарищем Чичериным?

– В этом есть необходимость?

– Этого я не знаю, это решать вам.

– В этом нет необходимости, и продумайте вопрос: как доставить меня во Владивосток.

– У меня есть ответ: вплавь, брассом. От тебя ничего не зависит, запомни это, сынок. Как тебе скажут, так и сделаешь.

– Не пытайтесь меня оскорбить!

– Я – не оскорбляю, я констатирую факт: Япония не готова

воевать с СССР. До тебя это еще не дошло. Жаль, что тебя не было дома. Было бы меньше проблем. Четыре человека могут пройти на борт. У меня – всё. И поторапливайтесь, иначе мы продолжим. – я развернулся и пошел в машине. Переводчик и старшина еще немного постояли, к ним подошли четыре человека, Чичерина я уже посадил на его место. Они сели, и мы взлетели, следом взлетел ведомый, потом спасатель и последним отделился его ведомый. Все в порядке, но разозлился я... Словами не передать.

Назад летели муторно и долго, зато узнал, что броненосец «Акаси» нашел свой приют в Японском море. Это его повредили вчера. До Японии он не дошел. Новостью этой поделился адмирал Того.

Лодка – это не «ГТ-4», надо бы их модернизировать, хотя бы автопилот поставить! И полугирокомпас. Оставить кабину здесь можно, передав управление штурману, второго пилота нет, но у штурмана есть педали, а штурвал передается, как на «Ju-88». Именно этот борт делался для Николая II, и напоминает его спальные вагоны: пассажир имеет право отделиться от «прохода». Но в этом полете двери заблокированы, чтобы видеть: кто чем занимается. Из-за непогоды я вышел из кабины всего один раз: пообедать. Вся нагрузка пала на Чичерина и Востокова. Фактически Чичерин не слишком был в курсе операции, а я не рвался с ним делиться, так как узнал, что «ночные бдения» – это и его рук дело. За обедом

он у меня спросил: почему не взяли на борт принца и зачем я оскорбил его.

– А вы в курсе, что на всем Северном Сахалине людей меньше, чем на южном?

– И что?

– Мне партизанская война совершенно не нужна. Поймите правильно: нам сейчас дать сахалинцам нечего: у нас кто-нибудь изготавливает малогабаритные горизонтальные турбины для горных рек? С генераторами и трансформаторами? Максимум того, что можно поставить, это патроны к трехлинейке, да муку. Все остальное край будет вынужден закупать в Японии. Больше нигде. Из Корсакова до Токио всего 1500 километров, а до Москвы – 11 тысяч. Чисто за счет транспортных накладок японские товары будут дешевле. Это вы понимаете?

– Для чего Вы это мне рассказываете?

– Мы хотим остановить ползущую оккупацию этих земель. Установить четкую политическую и экономическую границу. Основными целями для этих лодок были «кавасаки», лодки рыбаков и небольшие шхуны. Каждое утро тысячи таких лодочек отрываются от Хоккайдо и спешат к нашим берегам. Ставят сети и выгребают все из наших рек и морей. И остановить это можно только пулями. Вам сейчас будут вливать в уши, что так было всегда! Ерунда, это произошло после 1854 года, когда началась Крымская война. До этого большая часть айнов была православной и при-

знавала только «белого царя». Проиграв Крымскую войну, мы поимели проблемы здесь. Сейчас есть шанс отыграть это обратно. Поэтому никаких «совместных» разработок нефтяных месторождений и квотирование вылова. Хотите кушать и чем-то запитывать двигатели: платите деньги. А пушнина – только через аукцион. И срочно развивать местную промышленность! Строить нефтеперерабатывающие заводы. Убрать ЦБК с фенольным циклом, иначе они загадят весь остров. А построили это дело именно японцы, короли на час. Они прекрасно знали, что их отсюда выпрут. Все, не злите меня, Георгий Васильевич, мне еще самолет вести. И жестче, пожалуйста! Не надо с ними сюсюкать. Это они с виду европейцы: а так, располавливают людей и вдоль, и поперек, садюги хреновы.

– Кто-кто?

– Садюги, садисты. Тут под Николаевым небольшой форт имелся, Чнаррах, там все местное население: корейцев и русских, пополам разрубили шестеро придурков-самураев, соревнование устроили. А остальные солдаты весело это обсуждали, каждый удар. Это отряд японских миноносок пытался пройти по Амуру до Уссури, чтобы пройти в Маньчжурию. Так что не слишком заглядывайтесь на их улыбки и поклоны. Это – зверье, самое настоящее. Тоненький слой европейского лака, а под ним звереныш сидит. Вот с такими клыками, и крови жаждет. И еще, они на этих островах – пришлые, из Кореи пришли. Жили здесь айны, они довольно

сильно отличаются, айны – бородатые, японцы почти безбородые. С айнами русские всегда ладили. С этими – нет. Все, пошел лететь дальше. Не так далеко осталось.

Перед самым островом вышли из снегопада. Сюда циклон еще не пришел, морозно и светит солнце. Сели у Воскресенского, на болотце между ним и Лютогой. Здесь нас встречали. Сорок минут подмораживали делегацию, час ехали во Владимировку. Там пришлось еще пару часов отогревать водкой приехавших. Больше всех выпендривался адмирал Того, напоирая на то, что флота у нас здесь нет. Пришлось мне рассекретить то обстоятельство, что мы снимаем на пленку результаты бомбардировок.

– Адмирал, посмотрите на эти снимки. Как мне кажется, вы не совсем понимаете, о чем идет речь. Вот атака на бывший ваш флагман, которого прикрывают четыре эсминца, и который идет, за какой-то надобностью в сторону Владивостока. А что он там забыл?

– По нашим сведениям там началась резня японцев.

– А что они там делают? Это – русская территория. Туризм еще не развит, или они приехали поклониться каким-то мощам православным? А у них виза НКВД СССР была? Нет ведь, они приехали туда, нарушив нашу границу. Вполне возможно, что они работали на вашу разведку. Но не будем отвлекаться. Высота 5000 метров, цель опознана и классифицирована. Это момент сброса бомб. А это снял ведомый.

Два попадания 250 килограммовыми бомбами. Вот «Акаси» вывалился из строя. А это взрыв на миноносце, от него осталось два половинки и обе тонут. «Акаси» покрепче, все-таки, 14 водонепроницаемых переборок. Но накренился и пропустил атаку торпедой с правого борта. А это ваши новенькие «Сацума», с двумя трубами, и «Аки», он чуть длиннее и у него три трубы. Все правильно? А то с трех километров высоты иероглифы не прочесть.

– Правильно.

– А это – они же, но уже сидящие на грунте. У «Аки» ушла под воду даже носовая башня. А били их «сотками». Ой, а здесь что такое? Пожарище, и чьи-то мачты торчат! Что-нибудь уцелело?

– Нет, господин вице-адмирал, все попадания пришлись на машинные отделения.

– Туда, где брони нет, но там самая уязвимая часть корабля. Насосы вырубались, тушить пожар нечем. А вы тут комедию ломаете и рассказываете нам о том, каким крутым был японский флот в ваше время. А поезд давно ушел. Я еще в 14-м году показал флоту открытого моря Германии, что в Балтике и Северном море ему делать нечего. За мою бригаду англичане отдали нам два новейших линкора. Вы в курсе?

– Нет, говорилось, что «Эджинкорд» и «Эрин» будут прикрывать северные коммуникации, потому, что у русских нет там флота, как и тут.

– С 1915 года эти линкоры носят название «Архангельск»

и «Новодвинск». Причем, это супер-дредноуты, прошедшие модернизацию в 14-м году и имеющие систему загоризонтной стрельбы, как на «Кинг Джордж V», и 13,5-дюймовые орудия. К тому же у них турбины, плюс четыре узла скорости, по отношению к вашим. Это отдали за бригаду моих летчиков, и мы всю войну держали Северное море чистым от немецкого флота. Сейчас у меня корпус. Как вы считаете: есть у Вас хоть малейший шанс использовать свой флот? И вся территория Японии нам доступна.

– Мы здесь не видим больших четырехмоторных аэропланов, которые бомбили Йокосуку.

– Они здесь не базируются. Здесь места недостаточно.

– Мы бы хотели их увидеть.

– Это возможно, если погода не испортится. – тем более, что теперь есть, что показать! Их стало девять, полная эскадрилья, жаль, что шесть из них транспортники, но кто здесь сможет в этом разобраться? Но фотографию именно 9-ти машин я показал, на снимках, в том числе, подвозили и подвешивали бомбы и кассеты с ними в бомболюк.

– Вы поклонник генерала Дуэ? – задал вопрос маршал Ягамата.

– Скорее нет, чем да, мы с ним – антагонисты, господин маршал. – Да, частично реализована картина, которую хотел бы применить генерал Дуэ, но, наступление Квантунской армии мы парировали другими силами и средствами. И лишь после этого приступили к реализации планов давления на

командование и правительство Японии. Если бы нам не удалось выполнить первое условие, то приступить ко второму действию можно было только после того, как была бы разгромлена сухопутная армия. В этом мы коренным образом расходимся во мнении с генералом. Он приезжал к нам, хотел поступить к нам на службу, но, чтобы реализовать его идеи, требуются фантастично мощные двигатели, которых нет и еще долго не будет.

– А какую мощность имеют двигатели на этих машинах?

– Это не совсем корректный вопрос, адмирал. Мы обсуждаем капитуляцию Японии, а не самолеты фирмы «Аэрофлот Степана Гирса». Если считать в «Фарманах-15», то примерно 45 «фарманов», по мощности, а если по грузоподъемности, то 210 «Фарманов» S-10 или 15. Я взял те модели, которые есть у вас. Ваши самолеты могут пощекотать нам пятки, максимум, наши прекрасно топят ваши корабли, и сносят старинные замки. Вас постигла та же участь, что и Россию 16 лет назад. Тогда вы сумели закупить у Англии корабли и новые орудия, и находились рядом со своим домом. А нам не дали закончить кругбайкальскую магистраль наши «союзники». Мы, как известно, создали Антанту, куда, по настоянию Франции, включили Англию, против которой и была создана «Антанта». Поэтому в 1917-м году мы покинули это «общество», убедили Германию, что мы выходим из войны не потому, что побеждены, а в связи с тем, что у нас сменилось правительство, которое более играть в эти «иг-

ры» не собирается. Немцы нам особо не поверили, продолжили наступать и были разгромлены в Финляндии, на Северо-Западном и Западном фронтах. Затем мы разбили Австро-Венгрию и, уже совместно с Германией, восстановленную Британией, Польшу. Заодно навели порядок на Кавказе, и подписали договор с Турцией, которая отделилась от Центральных государств, отказалась от претензий на побережье Черного моря, и закрыла проход проливами для всех, кроме нас. Осталось урегулировать вопросы с Японской империей. Вопросов к ней накопилось очень много, начиная с 1854 года, когда Англия и ее союзники напали на нас в Черном море и по всему миру. Собственно, это и была Первая Мировая война. Россия в то время очень сильно отстала от передовых стран в плане развития индустрии. Этим противник и воспользовался. Сейчас мы этот разрыв преодолели, кое в чем значительно опережаем весь мир. Особо воевать мы не рвемся, нам хотелось бы заняться народным хозяйством и закончить начатую индустриализацию страны. Чисто из этих соображений мы согласились на переговоры с вами. Позвольте перейти к ситуации, в которой оказалась Япония, решившись на нас напасть по наущению британцев и «правительства генерала Хорвата», который, собственно, интересы России и не представляет. Согласны?

– Хорошо, господин вице-адмирал. – согласился господин Такаси. До этого он почти конспектировал слова нашего переводчика.

– По нашим сведениям, вы упустили возможность быстро разделить Китай и поспорились с Гоминданом, хотя именно Япония приложила максимум усилий для создания революционной партии Китая.

– Вы забываете, что Сунь Ятсен долго проживал на Гавайях, этот вопрос мы несколько не учли, поэтому им удалось отказаться от тех обещаний, которые они дали нам. – сказал маршал.

– Вы в курсе того, что я недавно посещал Китай и мы имеем, как и Соединенные Штаты, договор с Гоминданом.

– Да, у нас есть такие сведения, но исполнение договоренностей пока не началось.

– Вы ошибаетесь, Гоминдан выполнил первую часть контракта, и началось обучение его ВВС на территории СССР. Нас интересовал чай, шелк и некоторые другие материалы, традиционно закупаемые нами в Китае, поставки которых прерваны генералом Хорватом и так называемой пекинской военной кликой, целью которой является отчуждение Китай-Восточной железной дороги и разрыв аренды Маньчжурии, куда вложены достаточно большие деньги нашими банками и государством. Как вы понимаете, военной силой Сунь Шичан или Сюйджень не обладает. По договору с Сунь Ятсеном, мы можем быстро нарастить свое присутствие на юге и на севере Китая. С нашей территории любая точка Вашей страны находится в зоне действия нашей авиации, начиная от острова Формоза до острова Хоккайдо. И, как вы мог-

ли сами убедиться, флот вам ничем помочь не может. Теперь немного об экономической ситуации. Собственные запасы нефти у вас примерно 16,5 тысяч тонн в районе Нигаты, Акита и Нитсу. Это, опять-таки, примерно, одна десятая процента мировой добычи нефти. С углем ситуация чуть лучше, но из запасов в 8 миллиардов тонн только 2,6 миллиардов находится на японской территории. К тому же, уголь из Кюсю – не коксующийся, а уголь Хоккайдо расположен в центре острова, ежедневная добыча его маленькая, транспортировка дорогая. Железная руда почти полностью импортная. То есть, и вы, и мы понимаем, что ваша попытка решить проблему с поставками из других стран, с помощью военной силы и захвата территорий, провалилась. При большом желании мы можем блокировать любые перевозки в вашу страну, как со стороны Желтого и Японского морей, так и со стороны Тихого океана. На собственных ресурсах вы выжить не в состоянии. Это цена вашей «белой революции». Индустрию вы создали, а питать ее нечем. Вы со мной согласны, господин Премьер?

– Да, собственные запасы полезных ископаемых у нас невелики. Но я пока не понимаю: к чему Вы клоните?

– У нас с полезными ископаемыми проблем нет. Попытка взять их силой – провалилась. Что умные люди делают, когда отнять нет возможности, но есть готовый продукт?

– Они пытаются наладить торговлю.

– О чем неоднократно говорилось в японском парламен-

те и в японской прессе. Вы, правда, называли их оппонентами и оппозицией. Поэтому мы заберем только то, что принадлежало нам, а вы думайте: сможете ли вы прожить без торговли с нами. Учтите, что теперь и за рыбу придется платить. Мы же заинтересованы в поставках нам оборудования для низконапорных ГЭС, станков для тяжелой промышленности, автомобилей, судов, воспользуемся и вашими инженерами. Вот и прикиньте, что выгоднее: получать безответные удары по своей территории или мирно торговать к общему благу?

– Нас интересуют концессии...

– Нет, господа, никакого иностранного присутствия на нашей территории не будет. Максимум того, что более или менее приемлемо: строительство автомобильных и железных дорог. Это у Вас неплохо получается, судя по Сахалину. Но с нашей колеей.

– Но вы требуете очень многого!

– Мы забираем только то, что вы у нас отняли. Если вы не согласитесь – последует разгром. В этом суть наших предложений. И придется заплатить за 16 лет оккупации южного Сахалина.

– Но там много чего построено!

– Если не хотите платить, то забирайте своих людей. Мы все равно их переселим, здесь они не останутся. Мы же прекрасно помним, что еще совсем недавно японцев на Хоккайдо просто не было, а теперь там практически исчезли ай-

ны. Некоторое время назад ваша страна попыталась достичь Южного полюса. В 1912 или 13-м году в газетах были публикации на эту тему. Что больше всего поразило, так это то, что японцы выгоняли двух каюров-айнов из палаток, в которых спали участники экспедиции, спать на мороз к собакам. До полюса они не дошли целых 10 градусов, не удивительно, при таком отношении к людям. Теперь Вы понимаете: почему мы не пустили сюда вашего будущего императора? Чтоб ни у кого никаких ассоциаций не возникало. Русские казаки из Якутска пришли на остров первыми в 1640 году, под предводительством атамана и землепроходца Ивана Москвитина. На острове жили только нивхи и айны. О Японии здесь никто даже и не слышал. Вас тогда и на Хоккайдо не было.

Утром, после завтрака, вся делегация, проще сказать: весь город выскочил на улицу, встревоженный грозным гулом самолетов. Три четких тройки огромных четырехмоторных машин, рядом с которыми шла восьмерка истребителей, а замыкали строй более маленькие пикировщики, тоже девять, и еще восемь истребителей. Вот такой воздушный парад! Три машины сели на Малое Чибисанское озеро, остальные ушли обратно на север. Мы показали машины только официальным членам делегации, остальные «специалисты» так и остались во Владимировке.

Когда мы подъехали к Чибисанскому посту, то самолеты уже стояли у небольшого причала, к ним подкатили трапы,

экипажи вышли из машин и были построены. Один из бомболюков был открыт, там достаточно густо были подвешены бомбы различного калибра: от маленьких до 500 килограммов. Премьер Такаси похлопал рукой в перчатке по колесу правой основной стойки.

— Как я вижу, господин вице-адмирал, в полную силу вы нас не бомбили.

— Мы, вообще, не любим обижать маленьких.

— Заметно. Господа, думаю, что требуется сделать фотографию рядом с этой машиной, иначе будет не объяснить, почему мы вынуждены согласиться с предложением Советской России. Но, судя по тому, что мы услышали на переговорах, мы от этого только выиграем.

Сам он прошел в машину после фотографирования, а маршал и адмирал заглянули вовнутрь. После этого мы переехали обратно в мэрию Владимировки. Предварительные требования были подписаны всеми, затем начали бодаться по датам и срокам, но лично меня это уже не слишком волновало: основное дело было сделано, а частности меня не слишком касались. Переговоры завершились через трое суток, за это время в районе Уссурийска была подготовлена полоса для приема ГТ-4м на лыжах. Туда должна была быть переброшена японская делегация, которая подписала все договоры с нами, как военные, так и по экономическому сотрудничеству. Оставалась одна подпись и ратификация в парламентах. К этому времени циклон разрушился и установи-

лась нормальная погода. Но теперь «закапризничал» младенец-император. Вместо Владивостока, пришлось отправлять японцев обратно в Ниигату, а оттуда лететь пустыми во Владивосток. Меня все укоряли, что я разрушил и сорвал всё. Но адмирал Того, выходя из самолета, попросил меня потерпеть от трех до 10 дней, в зависимости от настроения в парламенте и регента. Через сутки после прилета японский парламент приступил к слушаниям по этой теме. Прения длились три дня, и встал вопрос с назначением другого регента, тайный совет предложил на этот пост 17-тилетнего второго сына погибшего императора принца Титибу. После этого старший «сломался», но во Владивосток так и не полетел. Нам пришлось забрать полностью подписанный и ратифицированный японской стороной документ, который доставили маршал и премьер в Ниигату. Теперь осталось разобраться с пекинской кликой. Но это уже без меня! «Мне в Париж, по делу, срочно!» (Гатчина по мне плачет!)

Глава 5. «Трудовые будни – праздники для нас»

Успешные действия корпуса, без всякого сомнения, радовали, но накопилась и куча проблем. В первую очередь с устаревшими лодками «Ша-6» всех модификаций. Они были сделаны еще в 1912-м году, и в 19-м, на фоне «ГТ-4м», выглядели архаизмом. Им не хватало дальности, грузоподъемности и новых навигационных приборов. Плюс, чувствовалось по всему, что весь мир сейчас срочно займется ПВО, вопрос с которым пока более или менее решен в Германии. Остальные почивают на лаврах, но бросились в погоню. Шнейдер объявил, что со следующего года возобновляются соревнования на кубок его имени. Реджинальд Митчелл вот-вот будет назначен главным конструктором «Supermarine Aviation Works». Макки в Италии уже подтвердил свое намерение бросить вызов Шаврову. Пора и нам стряхнуть пыль с ушей и заняться, наконец, авиацией. Хватит самураев и беляков гонять по степям да морям. 28 января я получил разрешение наркома Фрунзе вылететь в Москву. Подружиться с ним мне так и не удалось, так как, в отличие от переговоров с Турцией, здесь он выглядел несколько не в своей тарелке, и был отодвинут от переговоров, и мной, и японской делегацией. Ататюрк, в некотором смысле слова, был увле-

ченным революционером, как и Фрунзе. С ним можно было поговорить о том, как увлечь народ и повести за собой. У Фрунзе это получалось, а вот с весьма консервативными и крайне антикоммунистическими японцами говорить о прогрессивной роли пролетариата было бессмысленно. Их революция произошла сверху, практически бескровно, при полной поддержке как правящего класса, так и низших слоев общества. Этим нас пытались упрекнуть на переговорах. Пришлось парировать тем, что возникновение революционной ситуации пришлось на годы войны и поражений на втором этапе Мировой войны, а люди, затеявшие свержение власти, были агентами влияния английской разведки. В результате их действий армия развалилась и возникла угроза оккупации европейской части страны. Большевикам пришлось взять власть в свои руки, и в кратчайшее время реорганизовать свою армию. Этим мы предупредили как готовившуюся интервенцию, так и попытки бывшего правящего класса вернуться к власти. Сам Фрунзе в своих требованиях к РККА напирал на политическое воспитание и пропаганду. Это действует, в случае успехов, и мгновенно разваливается, если победа ускользнула. Возникает паника и поражение. И тогда ничем, кроме карательных действий, армию в порядок не привести. Бежали и будут бежать. Недавнее отступление в Харьковской области это наглядно показывает. Но это уже все в прошлом, только что взлетели из Омска, но лечу я не в Москву, а в Харьков. Удалось связаться с чело-

веком, который мне срочно нужен. Зовут его: Иван Павлович Бардин. Мне требуется жаропрочная сталь или что покрепче, иначе поднять потолок заказанным бомбардировщикам не удастся. Летим «на лыжах», в Омске переобулись, так как в Харькове сейчас стоят легкие машины, и все может быть. Сделать на коленке «лыжно-колесное» шасси не получилось, ни времени, ни оборудования на востоке страны еще нет. Честно говоря, там такая «глушь»! Отдельные «двери в цивилизацию» имеются, но в остальном: жуть и кошмар. Одно хорошо, целенаправленной работы по спаиванию населения Дальнего Востока уже не будет. Начинаем восстанавливать дореволюционное устройство Маньчжурии. Председателем Совета Народных Депутатов Маньчжурского округа назначен товарищ Луцкий, проверенный большевик, комиссар войск охраны КВЖД. То есть, военно-политическая власть сейчас у него, и это «наш человек», инженер и полиглот.

С Иваном Павловичем встретились в каком-то странном помещении на ипподроме в районе Основы. Это примерно в полутора километрах от станции Предузловая, на восток от нее. Лицо у него было не слишком довольным. На улице легкий морозец, изморозь сыпется, но мы разбудили окрестности, поэтому ему пришлось топать эти километры, чтобы встретиться. Больше там негде было сесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.